
Максим Шаравин
ТРАКТИР
МОСКОВСКИЙ СЫЩИК
1903

Максим Шаравин

Московский сыщик. 1903.

«Автор»
2026

Шаравин М.

Московский сыщик. 1903. / М. Шаравин — «Автор», 2026

Василий Игнатьевич Белозёров, эксперт-криминалист, попал из будущего в дореволюционную Москву, в тело стажёра Московского сыскного отделения. В его руках опыт криминалистов XXI века. Там, где улики ищут по старинке, его знания, настоящее оружие против преступников. Вместе с судебным следователем Рябининым он раскрывает дела, которые кажутся безнадёжными. Каждая мелочь, в опытных руках Белозёрова становится ключом к разгадке. Но хранить свою тайну становится всё труднее. Чем точнее его выводы, чем чаще он распутывает странные дела, тем подозрительнее он выглядит в глазах коллег. Отправляетесь вместе с героем в старую Москву, где опыт будущего помогает раскрыть прошлое. Где ошибка может стоить герою не только карьеры, но и свободы.

© Шаравин М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 23
Глава 5 29
Глава 6 35
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Московский сыщик. 1903.

Название: Московский сыщик. 1903.
Автор(-ы): Максим Шаравин

Глава 1

Лето 2020 года.

Василий Игнатьевич Белозёров медленно шёл по Арбату, периодически останавливаясь, чтобы послушать музыку уличных музыкантов или молодых поэтов, которые читали свои стихи для публики. Это был его ритуал последние пять лет — после того как его жену и детей расстреляли из проезжавшего мимо автомобиля. Он нашёл исполнителей, а потом и заказчика, коим оказался Мишка «Мясник», отбывавший пожизненный срок в колонии строгого режима за полярным кругом.

Это была месть. Белозёров, эксперт-криминалист, профессионал высочайшего класса, помог найти маньяка, который убивал молодых девушек. Им оказался молодой человек двадцати пяти лет по имени Михаил, сын мэра одного из небольших городков, где и началась серия убийств. В дальнейшем его прозвали Мишка «Мясник». После убийства семьи Белозёрова, Мишка «Мясник» пытался сбежать и был убит.

Василий Игнатьевич дошёл до конца улицы, остановился и огляделся. Именно здесь была убита его семья. Он постоял несколько минут и, повернув направо, направился к станции метро «Смоленская», собираясь поехать домой. Сегодня у него не было никаких дел на работе, и Белозёров собирался пораньше лечь спать, чтобы наконец-то выспаться за последние три недели работы без выходных.

Он уже подходил к станции, когда услышал голос:

— «Мясник» не забыл про тебя и передаёт «привет» с того света.

Резкая сильная боль возникла под рёбрами. Белозёров рефлекторно дёрнулся, пытаясь отстраниться. Он хотел повернуться, чтобы разглядеть нападавшего, но ноги резко ослабли, и Василий Игнатьевич стал заваливаться на асфальт.

Белозёров узнал эту боль. Эксперт-криминалист с огромным стажем сразу отметил, удар нанесли сбоку, под углом: в сердце не попали, но рана слишком глубокая. Василий Игнатьевич опустил глаза: кровь вытекала не толчками, а ровным потоком. «Крупная вена или паренхиматозный орган. Шансов никаких», — пронеслось в голове Белозёрова.

Мир стал тускнеть, как будто на глазах появлялась пелена. Чей-то голос закричал: «Скорую! Вызывайте скорую!»

Белозёров улыбнулся и закрыл глаза. Последнее, что он запомнил, — асфальт под его щекой и крики прохожих.

Лето 1903 года.

— Васька! Опять спишь? — Белозёров услышал громкий крик и, непроизвольно открыв глаза, посмотрел на стоящего перед ним человека в странной одежде.

— Что ты на меня вылупился, как баран на новые ворота? Быстро просыпайся, тебя уже Фёдор Емельянович ждёт на улице, — произнёс незнакомец.

Василий Игнатьевич продолжал смотреть на стоящего перед ним человека ошалелым взглядом. Он был в полной растерянности, не понимая, что происходит. Последнее, что он ясно помнил, — удар ножом наёмного убийцы, крики прохожих, требующих вызвать скорую, асфальт под его щекой и то, что он умер. Он просто не мог выжить после такого удара ножом.

«Может, я всё-таки выжил и сейчас в коме? А всё это мне кажется?» — промелькнуло в голове Белозёрова.

— Василий, с тобой всё хорошо? — незнакомец приблизился к Белозёрову и внимательно посмотрел ему в глаза.

— Да-да, со мной всё хорошо, — прошептал Василий Игнатьевич совершенно чужим голосом.

— Ну так, если с тобой всё хорошо, какого лешего ты продолжаешь на меня так пялиться, вместо того чтобы бежать к Фёдору Емельяновичу? — повысил голос незнакомый мужчина в странной форме. — Васька, я тебя ещё не выгнал только лишь потому, что Емельяныч видит в тебе потенциал!

Белозёров вскочил и ринулся к выходу из комнаты.

Василий Игнатьевич бежал по коридору в сторону выхода из здания. Его взгляд опытного эксперта-криминалиста фиксировал детали убранства коридора и одежду встречающихся ему людей. Он резко остановился возле большого зеркала и посмотрел на своё отражение.

Ошалелый взгляд молодого человека, от силы лет двадцати пяти, смотрел на него из зеркала.

Белозёров смотрел на своё отражение, где взгляд молодого человека постепенно становился нормальным. Голова прояснялась. Откуда-то издалека, с самых задворков его памяти, начинали всплывать знания: «Василий Игнатьевич Белозёров. Двадцать пять лет от роду. Стажёр Московской сыскной полиции. Умер несколько минут назад от сердечного приступа, вызванного врождённой патологией сердца. Незнакомец в комнате — Иван Макарович Воронов, начальник сыскного отделения Московской сыскной полиции, надворный советник седьмого класса. Фёдор Емельянович Румянцев — помощник начальника сыскного отделения, титулярный советник девятого класса».

Знания заполняли его голову бурным потоком. Белозёров приложил руку к сердцу. Оно билось в спокойном ритме.

«Я умер там, он умер здесь. Теперь я в его теле», — Василий Игнатьевич, умудрённый жизненным опытом эксперта-криминалиста, склонен был поверить во что угодно, даже в переселение душ, тем более что он никогда не отвергал такую возможность. Единственный вопрос, на который он не получил ответ: «Зачем он здесь?»

— Василий Игнатьевич, долго вы ещё будете на себя любоваться? — услышал Белозёров голос Румянцева.

Медленно повернувшись, он направился к выходу из здания, где в дверях стоял помощник начальника сыскного отделения.

— Ваше благородие, Фёдор Емельянович, простите, что заставил вас ждать, — в памяти Белозёрова всплыло, как надо обращаться к начальству.

Румянцев подозрительно посмотрел на Белозёрова, на миг задержав взгляд на его глазах, потом развернулся и вышел на улицу.

Василий Игнатьевич встал возле Румянцева, глядя на проходящих мимо смеющихся девушек и продолжая размышлять о случившемся.

— Василий, да что с тобой происходит? — Румянцев резко повернулся к Белозёрову, вырывая его из задумчивого состояния. — Опять сердце прихватило?

— А… — Белозёров посмотрел на Фёдора Емельяновича. — Простите. Нет, всё хорошо, ваше благородие.

Память подсказала, что от него требуется, Белозёров махнул рукой, подзывая извозчика. Через несколько секунд к ним подкатили простые дрожки. Лошадь была взмылена, будто только что везла кого-то через полгорода.

Румянцев назвал адрес. Извозчик лихо щёлкнул кнутом, и дрожки легко взяли с места, поскрипывая рессорами.

Белозёров смотрел в одну точку, погрузившись в свои мысли. Он пытался разложить все полученные знания об этом времени по «полочкам» в своей голове.

— Василий, — услышал он голос Фёдора Емельяновича и посмотрел на помощника начальника сыска. — Приехали.

Румянцев не сводил взгляда с Белозёрова:

— Ты сегодня какой-то странный, Василий. Отправляйся-ка ты домой.

Румянцев сунул извозчику деньги и назвал адрес доходного дома, где Василий снимал маленькую комнатку во дворовом флигеле.

Не успел Белозёров сказать и слова, как извозчик щёлкнул хлыстом, и дрожки понесли его в сторону дома.

Дрожки подкатили к доходному дому и остановились возле низкой арки. Василий машинально кивнул извозчику и направился внутрь двора. Пройдя сквозь низкую арку, Белозёров остановился и, поморщившись от запаха, который источал большой мусорный ящик, установленный в самом дальнем углу, направился к низкому флигелю. Флигель стоял боком к основному дому. Окна выходили внутрь двора, и даже в полдень здесь практически не было света. Лестница была узкой, стоял сильный запах сырости и извести. В памяти всплыло, что по ночам сквозь тонкие стены доносился шум с улицы и голоса соседей. Но зато плата была по карману стажёру.

Белозёров поднялся на самый верхний этаж, где потолки едва позволяли стоять в полный рост, и, найдя в кармане ключ, открыл дверь.

Привыкший содержать свою квартиру в чистоте, он замер, поражённый увиденным. Комната, и без того слишком маленькая, была просто завалена мусором и грязными вещами.

Вздохнув, Василий Игнатьевич прошёл в комнату и закрыл за собой дверь. В первую очередь, смахнув рукой весь мусор со стола, он выгреб из карманов все деньги, которые у него были с собой, и достал из-под половицы заначку. Быстро пересчитав, часть он отложил на оплату комнаты, часть — на покупку еды, строго определив для себя, сколько он может тратить в день. И выделил небольшую сумму для оплаты прачки.

Порывшись в горе грязных вещей, он нашёл холщовый мешок, сложил туда все грязные вещи и, взяв деньги, выделенные на прачку, направился к выходу.

Прачка жила в соседнем доходном доме, в таком же дворовом флигеле. Через пять минут Белозёров уже спускался в её полуподвал, где она занималась стиркой. В нос ударил запах щёлока. Над чанами клубился густой пар, сквозь который он увидел дородную женщину.

— Марфуша! — громко позвал Василий Игнатьевич.

Он увидел, как женщина подпрыгнула от неожиданности, чуть не уронив чугунный утюг, и улыбнулся.

— Васька, чтоб тебе пусто было! — рявкнула Марфа. — Опять из-за двери вынырнул, как чёрт из табакерки!

— Прости, Марфа. Думал, ты меня слышишь, — Василий улыбнулся, глядя на подходящую женщину.

— Васька, ты же знаешь, что я глуховата, как я могла тебя услышать? — Марфа встала напротив него, уперев руки в бока. — Больше стирать задарма не буду.

— Марфуша, вот деньги, вот мешок с вещами, — Белозёров поставил мешок с вещами на лавку возле стены и протянул Марфе руку с деньгами.

— Приходи вечером, всё будет готово, — сказала Марфа, забирая деньги.

— Спасибо, Марфа, — Василий Игнатьевич развернулся и направился назад в свою комнату. Пора было привести её в порядок.

Белозёров быстро вернулся в свою комнату, закрыл за собой дверь и принялся за уборку. Спустя три часа Василий Игнатьевич стоял у двери и критически оглядывал комнату. Чистота и порядок. Пол был вымыт, пыль протёрта. Книги аккуратно сложены на столе. Оставалось вынести мусор, которого он набрал два больших старых мешка, а потом можно было сходить поесть. Дальше предстояло обдумать своё нынешнее положение и решить, как жить дальше.

Взяв деньги, он вышел в коридор, закрыл за собой дверь и, схватив мешки, потащил их вниз, к большому мусорному ящику.

В кухмистерской было шумно и тесно. Василий занял место в углу на длинной лавке у общего стола, положил перед собой деньги и подал знак хозяйке:

— Обед, пожалуйста.

Через пару минут перед ним поставили миску супа, тарелку гречневой каши и ломтик чёрного хлеба.

Белозёров ел медленно, стараясь не показывать, как сильно он голоден. Рядом с ним устроились рабочие, став громко разговаривать, а он думал только об одном: «Зачем он здесь? Какие высшие силы привели его сюда, в это время и в тело молодого стажёра Московской сыскной полиции?»

После обеда Белозёров решил немного прогуляться, проветрить свою новую голову и осмотреться. Он медленно двинулся вниз по улице. Московский сырой воздух был наполнен запахом конского навоза, дымом от печек и пылью, которую поднимали проносящиеся мимо дрожки, пролётки и коляски. У небольших торговых лавок толпились женщины с корзинами, а в трактирах стоял гул голосов и пахло жареной рыбой.

Василий Игнатьевич никуда не спешил. Он хотел узнать для себя эту незнакомую эпоху, посмотреть всё своими глазами. Запомнить каждую деталь, чтобы она перестала казаться ему чужой и стала своей. Белозёров сворачивал в переулки, разглядывал вывески, прислушивался к разговорам прохожих. Иногда он останавливался возле лотков, где торговали горячими пирожками и кулебяками, невольно втягивая носом аромат, который напоминал ему о скудном обеде.

Мимо быстро прошли несколько молодых людей, судя по разговорам, студентов. Они громко спорили и размахивали руками, пытаясь что-то доказать друг другу. На другой стороне улицы шёл господин, держа под руку дородную даму в шикарном платье. Белозёров смотрел на них и думал: «В моём времени всё было иначе… Там мне не надо было считать копейки, чтобы поесть, и не нужно было таскать бельё к прачке». Чем дольше Василий Игнатьевич гулял, тем сильнее чувствовал, как понемногу начинает привыкать к этой суете, запахам, окружающим его людям.

Он вернулся к доходному дому, где жила Марфа, прошёл через низкую арку во двор и направился к флигелю. У полуподвала он остановился, прислушался к доносившемуся изнутри шуму: там по-прежнему шипел пар и звенели вёдра. Постояв пару мгновений, Василий спустился по ступеням и толкнул дверь.

В полумраке, в густом облаке пара, он сразу увидел Марфу. Она выжимала тяжёлую простыню, перекидывая её через борт бака.

— Марфуша, — позвал он, чтобы не напугать.

Женщина подняла голову, прищурилась, узнала его и махнула рукой:

— А, Васька! Заходи, заходи. Всё готово. Сейчас соберу.

Она аккуратно всё сложила и завернула в грубую холстину, перетянула верёвкой и протянула свёрток Василию вместе с холщовым мешком, в котором он приносил грязные вещи.

— Всё чистое, высушенное и поглаженное. Смотри, быстро не пачкай. И холстину потом вернёшь, когда снова принесёшь вещи на стирку.

— Спасибо тебе, Марфуша, — произнёс Белозёров, принимая свёрток. — Очень выручила. Холстину верну.

— Ладно, ладно, — отмахнулась она. — Только в следующий раз уж заранее приноси, дел у меня невпроворот.

Белозёров поднялся по ступеням обратно во двор. Постоял минуту, привыкая к прохладному воздуху вечерней Москвы после жаркой прачечной, и направился домой. Пора было ложиться спать. Первый раз в новом теле, первый раз в новом для него времени.

Василий Игнатьевич резко открыл глаза и сел на жёсткой кровати. В комнате царила практически полная темнота. Он по инерции попытался нащупать выключатель и зажечь свет. Пока Белозёров водил рукой по стенам в надежде найти выключатель, память постепенно возвращалась после сна.

«Похоже, всё, что со мной произошло, — правда», — мелькнула мысль.

Встав с кровати и сделав пару шагов, он упёрся в стол. Нащупал спички и зажёг керосиновую лампу, стоящую на столе. Сразу повернул фитиль, убавляя пламя. Керосин стоил денег, которых у него не было. Жёлтый свет осветил практически всю его маленькую комнату.

Белозёров взял со стола свои скромные подержанные карманные часы, которые он вечером достал из кармана жилета, прежде чем лечь спать. Щёлкнув крышкой, посмотрел время. Начало шестого утра. Надо собираться и идти на работу. Денег на извозчика у него не было, а до отделения Московской сыскной полиции пешком добираться почти час.

Василий Игнатьевич шёл по пустой улице, чувствуя лёгкость во всём своём новом молодом теле. Кое-где уже начинали работать дворники, а извозчики клевали носом, сидя в своих пролётках. Белозёров дышал полной грудью — молодое тело дарило ощущение силы. Настроение быстро поднималось.

«Рано или поздно я пойму, почему попал именно сюда. А пока стоит погрузиться в работу. Прозябать в нищете я не собираюсь», — с такими мыслями Василий Игнатьевич открыл двери отделения сыска и столкнулся с Фёдором Емельяновичем Румянцевым.

— Доброе утро, ваше благородие, — с улыбкой произнёс Белозёров.

Помощник начальника сыскного отделения внимательно посмотрел в глаза Белозёрова и усмехнулся:

— Ты сегодня рановато, Василий. Но, возможно, это и к лучшему.

Румянцев полез в карман и, достав деньги, протянул их Василию:

— Бери дрожки и мчи за Тихоном. Делай что хочешь, но чтобы через тридцать минут вы были у меня в кабинете.

Память сразу выдала подсказку: «Тихон Фёдорович Мохов. Сыщик (полицейский надзиратель), коллежский секретарь десятого класса. Возраст — тридцать лет».

— Так точно, ваше благородие! — отчеканил Василий и, развернувшись, кинулся к ближайшему извозчику.

Фёдор Емельянович задумчиво смотрел на спину Белозёрова, который уже активно расталкивал извозчика и диктовал ему адрес Тихона.

Извозчик щёлкнул кнутом, и дрожки сорвались с места.

Румянцев провожал их взглядом, пока они не скрылись за поворотом, потом покачал головой и, открыв дверь, вошёл внутрь отделения Московской сыскной полиции.

Глава 2

Белозёров и Мохов подошли к дверям кабинета Румянцева.

— Что за спешка с самого утра? — зевая, спросил Тихон.

— Тихон, ты уже второй раз спрашиваешь, и я тебе второй раз отвечаю: не знаю, — тихо ответил Василий. — Мне самому интересно.

— Раньше тебя такие вещи не интересовали, — хмыкнул Мохов.

— То было раньше, а теперь интересуют, — парировал Белозёров.

Тихон промолчал и аккуратно постучал в дверь.

— Войдите, — услышали они голос Румянцева.

Мохов толкнул дверь и шагнул вперёд, Белозёров вошёл следом.

Фёдор Емельянович достал из кармана жилета часы, щёлкнул крышкой и посмотрел время.

— Удивительно, — пробормотал он, посмотрев на Тихона и Василия. — Впервые вы не опоздали.

— Ничего удивительного, ваше благородие, — сдерживая зевок, произнёс Мохов. — Он вытащил меня из кровати, даже не дав толком одеться. А завтрак? Он не дал мне даже сделать глоток чая. Ещё и извозчика подгонял. Я два раза попрощался с жизнью.

— Из твоих уст это звучит ещё удивительнее, — Румянцев буравил Белозёрова взглядом.

— Ваше благородие, вы приказали доставить Тихона за тридцать минут. Я сделал всё, чтобы успеть, — Василий Игнатьевич искренне не понимал, что происходит. В этот момент память ему подсказала, что раньше он не особо торопился: спешка была вредна для его здоровья, он постоянно следил, чтобы пульс ни в коем случае не увеличивался. Поэтому вёл, так сказать, размеренный образ жизни.

Теперь Белозёрову всё стало понятно, но оправдываться и уж тем более что-то менять в своём нынешнем поведении он не собирался. Старый Василий умер. Теперь в его теле — он. Сердце работает отлично, организм просто пышет здоровьем, и Белозёров это прекрасно чувствовал.

— Ладно, — Румянцев взял со стола и развернул плотную бумагу с гербовым штампом. — Сорок минут назад приходил городовой от Аркадия Ильича.

Память тут же услужливо подкинула Белозёрову новую информацию: «Аркадий Ильич Горюнов — частный пристав (начальник полицейской части), коллежский советник шестого класса. Возраст — сорок два года».

Тем временем Румянцев продолжал:

— В доходном доме на Мясницкой обнаружен труп женщины. Признаки насильственной смерти: колотая рана, поза и следы указывают на борьбу. Просит выделить сыщика и фотографа для осмотра и фиксации улик, — Румянцев улыбнулся и серьёзным голосом зачитал строчку: — «Дабы не утратить важные доказательства до прибытия судебного следователя».

Фёдор Емельянович перевёл взгляд на Тихона:

— Бери с собой Петра Степановича со всем оборудованием и поезжайте к Горюнову. Он уже прибыл. Наверняка опять половину лаборатории в саквояж пытается впихнуть.

«Пётр Степанович Лужин — штатный «полицейский фотограф» Московской сыскной полиции, в обязанности которого в том числе входят дактилоскопия и антропометрия по системе Бертильона. Возраст — пятьдесят шесть лет», — услужливо подсказала память Белозёрову.

Тихон молча встал и направился к двери.

— Постой, Тихон, — Румянцев окликнул сыщика и посмотрел на Василия. — Возьми с собой Василия, пусть помогает.

Тихон пожал плечами и махнул Белозёрову. Василий Игнатьевич тут же вскочил и поспешил за Моховым.

Тихон уверенно шёл в дальний конец коридора, где у Петра Степановича была оборудована большая лаборатория и небольшой кабинет. Там он не только проявлял и печатал снимки, но и вёл учёт, составлял описи, подшивал фотографии к делам и формировал картотеки преступников, которые проходили через его руки.

Мохов толкнул дверь лаборатории, и та с тихим скрипом сразу открылась.

— Мохов, ты? — не оборачиваясь, спросил Пётр Степанович, торопливо укладывая в жёсткий ящик стеклянные пластинки. Рядом стояла камера на штативе, а на крючке висела светонепроницаемая накидка.

— Я, я, — буркнул Тихон. — Что забирать?

— Камеру, только аккуратно, смотри не ударь. Саквояж и ящик с пластинами, — Лужин обернулся, увидел Василия и улыбнулся. — Васька, ты с нами, что ли, собрался?

— Фёдор Емельянович приказал его с собой взять, — хмыкнул Тихон. — Сказал, пусть помогает.

— Хорошее дело. Надо же начинать учиться, — улыбаясь, произнёс Пётр Степанович и показал на большой саквояж. — Забирай, Василий. Я возьму камеру, а ты, Тихон, тогда бери ящик с пластинами.

Пролётка быстро долетела до доходного дома на Мясницкой, мягко покачиваясь на рессорах. Пётр Степанович сунул извозчику деньги и, кряхтя, начал вылезать.

— Пётр Степанович, давайте помогу, — к пролётке подбежал околоточный надзиратель. — Аркадий Ильич вас уже заждался. Послал меня встречать вас.

— Аккуратнее с камерой, Ефим Степанович, — буркнул Лужин. — Аристарх Платонович уже прибыл?

— Нет, Пётр Степанович. Аристарх Платонович велел прислать городового, когда вы уже будете заканчивать. Тогда он и приедет, — сразу ответил околоточный надзиратель.

— Всё как обычно, — улыбнулся Лужин, помогая Ефиму вытащить из пролётки штатив с камерой.

Белозёров спускался следом за фотографом, держа в руках большой саквояж.

«Ефим Степанович Рябов — околоточный надзиратель, коллежский регистратор, четырнадцатый класс. Возраст — тридцать пять лет. Аристарх Платонович Рябинин — судебный следователь, коллежский советник, шестой класс. Возраст — сорок семь лет», — всплыло в памяти Василия Игнатьевича.

— Василий, чего замер? Двигай вперёд, мешаешь! — услышал Белозёров окрик Тихона, который пытался вытащить из пролётки ящик с пластинами для камеры.

— Ну, веди нас, Ефим Степанович, — поторопил Лужин околоточного надзирателя, когда все вылезли из пролётки.

Ефим Степанович кивнул и быстрым шагом направился внутрь доходного дома.

Он уверенно повёл их по коридору к лестнице на третий этаж. Внутри было полно городовых, которые не выпускали жильцов в коридоры и следили за порядком. Лестница поскрипывала под ногами, а жильцов, пытавшихся выйти из комнат, тут же останавливали городовые: «Стоять! Дальше нельзя!»

На третьем этаже городовых было ещё больше: двое стояли у дверей, ещё один перегородил проход к соседней комнате. Ефим Степанович кивнул им и постучал в дверь:

— Аркадий Ильич, это Рябов. Я привёл сыщиков и Петра Степановича.

— Входите, — раздался из-за двери раздражённый голос Горюнова.

Ефим Степанович толкнул дверь и отступил в сторону, давая дорогу остальным.

Белозёров быстро огляделся: комната была просторной, с высоким потолком и широким окном; на полу в центре комнаты лежал труп женщины. У окна стоял Аркадий Ильич Горюнов, сложив руки за спиной.

Горюнов оглядел вошедших, задержал взгляд на камере в руках Лужина, потом чуть заметно расслабился:

— Наконец-то. Пётр Степанович, тут у нас дело тонкое: хозяйка дома нашла тело, подняла крик, теперь весь дом гудит, как растревоженный улей. Нужно всё снять, пока жильцы не напридумывали себе лишнего, а дворники не «навели порядок».

— Не переживайте, Аркадий Ильич, всё сделаем, — сказал Лужин, уже оглядывая комнату и прикидывая, где лучше поставить штатив, чтобы захватить и угол у шкафа, и пол у двери.

— Тихон Фёдорович, — продолжил Горюнов, переводя взгляд на Мохова, — опроси хозяйку и тех, кто первым заметил. Ефим Степанович поможет. Только без нажима: женщина и так на грани обморока.

— Всё сделаем, ваше высокоблагородие, — кивнул Тихон и, поставив ящик с пластинами для камеры, направился на выход из комнаты.

— Василий, будь рядом со мной. Будешь помогать, — произнёс Лужин, устанавливая камеру. — Покажу, как правильно фиксировать следы.

Горюнов покосился на Белозёрова и обратился к фотографу:

— Вам ещё что-то нужно, Пётр Степанович?

— Только время, Аркадий Ильич, — ответил Лужин. — Свет тут никудышный… Придётся повозиться.

— Вы уж постарайтесь, Пётр Степанович, — вздохнул Горюнов и вышел из комнаты.

— Василий, давай сюда саквояж, — позвал Лужин.

Белозёров направился к фотографу, внимательно смотря себе под ноги, чтобы не наступить на возможный след преступника.

— Можешь не смотреть, эти варвары тут всё затоптали, — заметив внимательный взгляд Василия, произнёс Пётр Степанович. — Сколько им ни говори, всё без толку. Сначала затопчут всё, а потом улики требуют.

Василий Игнатьевич ухмыльнулся краешком губ. Как ему это всё было знакомо.

Пётр Степанович открыл саквояж и начал доставать жестяные коробочки с порошками для снятия отпечатков, потом достал несколько кисточек с мягким ворсом, каждая в отдельном чехольчике, и, наконец, ацетиленовый фонарь с металлическим бачком.

— Вот он, мой помощник, — произнёс Лужин и показал фонарь Василию. — Сейчас заправлю карбид, подам воду — и будет нам свет. Только держать надо подальше от бумаг, Василий. Штука надёжная, но лучше быть аккуратнее.

Фотограф открыл крышку бачка, засыпал гранулы карбида из мешочка, налил немного воды из фляжки и прикрыл клапан. Через несколько секунд из горелки послышался шипящий звук, а затем зажёгся свет. Лужин сразу опустил козырёк отражателя, направляя фонарь в тёмный угол комнаты.

— Так-то лучше, — Лужин заулыбался. — Теперь хотя бы свет есть. Василий, держи фонарь ровно, не качай. И смотри, чтобы пламя не плясало. Давай для начала сделаем общие снимки.

Белозёров внимательно слушал наставления Лужина и делал всё, как он велел. Для него всё это было в диковинку: в своём прошлом времени Василий Игнатьевич привык пользоваться совершенно другой аппаратурой.

— Ставь линейку рядом с отпечатком, — командовал Лужин, — да ровнее, чтобы не было перекоса. Теперь монету.

Белозёров аккуратно положил медную монету и линейку, стараясь не задеть порошок, которым проявил отпечаток.

— Готово, Пётр Степанович.

Лужин внимательно посмотрел на проделанную работу:

— Хорошо. Теперь наводим камеру. Выдержку ставим не меньше десяти секунд.

Фотограф возился с камерой, наводя резкость. Потом укрылся накидкой, щёлкнул затвором. В комнате повисла тишина.

«Десять секунд, — пронеслось в голове у Белозёрова. — В моём времени хватило бы одной сотой. А тут каждый снимок — как отдельная операция».

— Готово, — наконец произнёс Лужин и стал осторожно вытаскивать кассету, закрыл её и вывел на крышке: «Дело № 28, квартира в доходном доме на Мясницкой, след на полу возле шкафа, 14 июля 1903, 09:17».

— Теперь я сделаю проявку в лаборатории, — улыбнулся Пётр Степанович. — Когда проявлю, будет доказательство.

Спустя три часа Белозёров и Лужин закончили обследовать комнату и делать снимки.

— Василий, сходи, позови Аркадия Ильича. И скажи ему сразу, пусть посылает за Аристархом Платоновичем, — попросил Лужин, устало опускаясь на стул.

Судебный следователь, коллежский советник шестого класса Аристарх Платонович Рябинин вошёл в комнату неторопливым шагом. При его появлении все разговоры сразу стихли. Идеальная выправка. Цепкий взгляд. В петлицах на форме тускло поблёскивали знаки коллежского советника шестого класса.

— Аристарх Платонович, рад вас видеть, — Аркадий Ильич сделал шаг навстречу судебному следователю. — Пётр Степанович уже закончил, Мохов и Рябов всех опросили. Ждём только вас.

Рябинин молча кивнул и посмотрел на труп женщины в центре комнаты.

— Пётр Степанович, труп осмотрели? — спросил судебный следователь, оглядывая комнату своим цепким взглядом, иногда останавливаясь на ещё видимых следах.

— Да, Аристарх Платонович. Протокол осмотра, перечень улик и фотографии — всё будет готово в течение двух часов, после того как я вернусь в свою лабораторию, — ответил Лужин.

— Аркадий Ильич, а почему в комнате посторонние? — Рябинин остановил свой взгляд на Белозёрове.

— Аристарх Платонович, это стажёр сыска Василий Белозёров, — тут же начал отвечать Горюнов, — его Фёдор Емельянович Румянцев прислал, чтобы учился.

Рябинин чуть ухмыльнулся, не сводя взгляда с Белозёрова:

— И чему вы сегодня научились, Василий? Расскажите?

Василий Игнатьевич мысленно улыбнулся.

— Как будет угодно, ваше высокоблагородие, — Белозёров сделал шаг вперёд, к трупу женщины, и присел на корточки.

— Василий, отставить! — рыкнул Горюнов, но Рябинин поднял руку и подошёл к Белозёрову.

— Слушаю, Василий, — Рябинин снова ухмыльнулся.

Белозёров на миг задумался, собираясь с мыслями:

— Судя по следу на руке жертвы, она пыталась сопротивляться, но мужчина схватил её за руку и крепко держал в момент нанесения ударов. Посмотрите вот сюда, на руке чёткий отпечаток от захвата. Он очень сильно сжимал её руку.

Аристарх Платонович наклонился, вглядываясь в след на руке:

— Дальше.

— Бил преступник ножом с снизу вверх, — продолжил Белозёров, — под углом примерно в тридцать градусов.

Василий показал на раны на теле женщины.

— Могу предположить, что преступник был небольшого роста, примерно метр шестьдесят пять, крепкого телосложения и с сильными руками. Возможно, работает на тяжёлой работе: грузчик, носильщик, или рабочий на заводе.

Аристарх Платонович хмыкнул:

— Продолжай.

— По характеру повреждений и глубине проникновения, могу сделать вывод, что удары наносились ножом с толстым лезвием, около пятнадцати сантиметров. Края раны слегка «расходятся», есть признаки давления, а не только прокола. Скорее всего, нож хозяйственный или рабочий.

Рябинин помолчал, потом кивнул:

— Ещё что-то?

— Да, — Белозёров встал с корточек. — Преступник и жертва были знакомы. Она сама его впустила: на двери нет следов взлома. Между ними вспыхнула ссора, он нанёс ей удары ножом, потом взял ключ и вышел, закрыв за собой дверь. Когда он ушёл, жертва ещё была жива. Она пыталась добраться до двери: на одной руке сломан ноготь об половицу. Скорее всего, звала на помощь. Именно тогда, скорее всего, хозяйка доходного дома услышала её крики. Пока ходила к себе, пока нашла запасной ключ и, вернувшись, открыла дверь, жертва уже умерла. Ещё у неё в руке были светлые волосы: Пётр Степанович приобщил их к уликам. Я уверен, что это волосы преступника.

Аристарх Платонович с интересом смотрел на Белозёрова:

— Если подвести итог, то выходит следующее: преступник со светлыми волосами, ростом примерно метр шестьдесят пять, крепкого сложения и с сильными руками. Возможно, привык к тяжёлой работе: грузчик, носильщик или рабочий с завода. Приходит к своей знакомой, между ними вспыхивает ссора, он наносит ей несколько ударов ножом с толстым лезвием, около пятнадцати сантиметров. Берёт ключ и уходит. Жертва на момент ухода преступника жива. Пытается добраться до двери и ломает ноготь об половицу. Зовёт на помощь, её слышит хозяйка дома, но, когда она открывает дверь, жертва уже мертва. Всё правильно, Василий?

Белозёров на секунду задумался, потом кивнул:

— Да, ваше высокоблагородие.

Аристарх Платонович Рябинин улыбнулся и повернулся к Горюнову:

— Аркадий Ильич, пусть городовые забирают тело. Судебный врач уже поехал к вам в покойницкую, ждёт тело для осмотра. Как осмотрит и напишет заключение, отправьте его с городовым в отделение сыска: я буду там.

— Будет сделано, Аристарх Платонович, — произнёс Горюнов.

Рябинин развернулся и направился к выходу из комнаты.

Как только судебный следователь вышел, Горюнов посмотрел на Белозёрова, открыл было рот, но промолчал, лишь покачав головой.

— Ну, мы, наверное, тоже поедем? — тихо спросил Лужин, посмотрев на Горюнова.

— Поезжайте, Пётр Степанович. Вам ещё протокол и фотографии делать, а Аристарх Платонович, сами знаете, ждать не любит, — кивнул Горюнов.

— Василий, Тихон, забирайте мои вещи и поехали, — сказал Лужин, подхватил камеру со штативом и вышел из комнаты.

Белозёров и Мохов, забрав саквояж и большой ящик с пластинами для камеры и уликами, последовали за фотографом.

Всю дорогу до отделения ехали молча. Белозёров смотрел по сторонам, периодически чувствуя на себе взгляды Лужина и Мохова.

Когда пролётка остановилась возле отделения сыска, Лужин не выдержал:

— Василий, чтобы делать такие выводы, надо изучать улики, надо заключение судебного врача, а не вот так…

Фотограф запнулся.

— Я много читал учебников, Пётр Степанович, — произнёс Белозёров. — Может, я и не прав.

— В одном ты, Василий, точно прав, — заговорил Мохов. — Хозяйка услышала стоны и слабый голос, зовущий на помощь. Пока нашла запасной ключ от двери, жертва уже померла.

— Ладно, пошли, нечего тут разговоры разводить, — буркнул Лужин. — У нас ещё дел прорва.

Глава 3

Белозёров стоял возле стола в кабинете помощника начальника сыскного отделения Фёдора Емельяновича Румянцева.

— Василий, Горюнов уже сообщил мне о твоём разговоре с судебным следователем… — Румянцев прервался и внимательно посмотрел на Белозёрова. — Ты сильно изменился со вчерашнего дня. Что с тобой случилось, Белозёров?

— Ничего не случилось, ваше благородие, — ответил Василий Игнатьевич.

Он пока не понимал, как себя вести дальше. Наверное, разговор с Аристархом Платоновичем Рябининым был слишком уж неправильным. Тут к такому не привыкли, в отличие от его времени, когда каждая минута была на счету и от экспертов-криминалистов требовали давать предварительное заключение сразу, чтобы пытаться раскрыть преступление по «горячим» следам.

Фёдор Емельянович отвёл взгляд и посмотрел в окно.

— Ты хороший парень, Василий. Но Рябинин терпеть не может выскочек, — Румянцев снова посмотрел на Василия. — Иди к Петру Степановичу, побудь у него, пока Аристарх не уедет.

— Слушаюсь, ваше благородие, — ответил Василий и, сразу развернувшись, покинул кабинет.

Белозёров шёл по коридору и ловил на себе взгляды сыщиков. Складывалось впечатление, что всё отделение Московского сыска уже знает о его разговоре с Рябининым.

Василий постучал в дверь лаборатории, не став заходить без стука, как это делал Мохов. Через десяток секунд, тихо скрипнув, дверь открылась.

— Заходи, Василий, — Лужин отошёл в сторону, пропуская стажёра. — Мог и не стучать, а сразу войти. Гоняешь меня по лаборатории. Я уж подумал, раз стучат, значит, я дверь закрыл на ключ.

Белозёров улыбнулся краешком губ:

— Извините, Пётр Степанович. Не привык я без стука в кабинеты вламываться.

Брови Лужина удивлённо полезли наверх:

— Раньше тебя это не останавливало.

Белозёров на миг замер, пытаясь сообразить, как выпутаться из такой нелепой ситуации.

— То было раньше, Пётр Степанович. А сейчас я исправляюсь, — ляпнул Василий Игнатьевич первое, что пришло на ум.

— Так исправляешься, что Румянцев отправил тебя подальше от глаз Аристарха Платоновича? — заулыбался фотограф.

Белозёров тоже заулыбался:

— Вы правы, Пётр Степанович.

— Да чего уж. У меня все прячутся, когда Аристарх гневаться изволит. Пойдём, заодно поможешь мне с уликами сегодняшними разобраться. Я как раз Аристарху отчёт доделываю. Надо улики по порядку разложить. Потом я всё ему сам отнесу, а то ещё заявится сюда и тебя увидит, — Лужин пошёл к своему маленькому кабинету внутри лаборатории.

Белозёров подавал Петру Степановичу улики в строгом порядке, согласно нумерации в протоколе осмотра. Лужин брал улику, ещё раз всё проверял, делал пометки и аккуратно упаковывал в специальный ящик для улик.

Через сорок минут Лужин забрал ящик и поспешил к судебному следователю.

— Я тебя здесь закрою. Сиди тихо, — сказал Пётр Степанович и скрылся за дверью лаборатории. В замке пару раз щёлкнул ключ.

«Надо быть аккуратнее со своими словами, — подумал Василий. — Не хватало, чтобы меня ещё в психбольницу местную определили и опыты на мне ставили».

Белозёров прикрыл глаза и не заметил, как уснул, сидя на стуле.

— Узнаю Василия, — сквозь сон услышал Белозёров голос Лужина. — Спит каждую свободную минуту.

Василий Игнатьевич открыл глаза и посмотрел на фотографа:

— Сам не заметил, как уснул. Много времени прошло?

— Да уж, почти три часа. Аристарх Платонович забрал все улики и уехал в окружной суд готовить ходатайство на арест подозреваемого, — улыбнулся с хитрым прищуром Лужин. — Фёдор Емельянович приказал тебя домой отправить. Дел на сегодня больше нет. А завтра чтобы ты явился к семи утра в отделение.

— Спасибо, Пётр Степанович, — Белозёров встал и направился к выходу из лаборатории.

Лужин посмотрел на закрывающуюся дверь и тихо произнёс:

— Может, он просто угадал? Ну не мог же он и вправду сделать такое точное заключение, только осмотрев труп?

Задумчиво покачав головой, Пётр Степанович отправился в свой кабинет. Надо было проверить кассеты: уложить свежие пластинки, убедиться, что бумага и прокладочные картонки на месте. Новое дело могло возникнуть в любой момент, а Лужин привык, что у него всё готово к спешному выезду на место преступления.

***

Судебный следователь Аристарх Платонович Рябинин вышел из здания окружного суда и едва заметно улыбнулся. Этот Белозёров и правда раскрыл дело за какие-то пять минут. Ещё там, в доходном доме, Рябинин понял, о ком идёт речь.

Арсений Ильич Гордеев, тридцать пять лет, кличка «Фокусник». Светлые волосы, рост — метр шестьдесят семь, крепкое телосложение, сильные руки. Работает грузчиком в порту, на одной из пристаней у Москвы-реки, где с барж выгружают уголь и доски.

Сверка отпечатка с места преступления и заключение судебного врача лишь подтвердили слова Белозёрова. Так что, быстро оформив дело, Аристарх составил ходатайство на арест подозреваемого и сразу пошёл к окружному судье. Доказательная база была настолько сильной, что судья сразу выдал постановление о взятии под стражу. Осталось добраться до полиции и передать его начальнику полицейской части Горюнову.

Рябинин махнул рукой, подзывая извозчика. Пролётка сразу сорвалась с места, подкатывая к судебному следователю.

— В полицейский участок, быстро, — сказал Рябинин. Извозчик щёлкнул кнутом, пролётка рванула, набирая скорость.

Через четверть часа судебный следователь входил в полицейский участок.

— К начальнику участка, срочно, — сказал он дежурному городовому.

Спустя несколько минут Рябинин уже стоял перед столом начальника полицейской части, выкладывая перед ним лист с печатью и подписью судьи:

— Постановление о взятии под стражу. Подозреваемый — Арсений Ильич Гордеев, тридцать пять лет, кличка «Фокусник».

Аркадий Ильич Горюнов взял документ, внимательно пробежал его глазами, проверил печать и подпись:

— Старый знакомый. Хорошо, Аристарх Платонович. Сейчас дам распоряжение. Городовые возьмут его и доставят сюда.

— Аркадий Ильич, — Рябинин посмотрел на Горюнова, — после оформления в участке доставьте подозреваемого сразу в отделение сыска. Я буду ждать там. Проведу допрос и оттуда отправлю его в тюрьму.

Горюнов улыбнулся:

— Сделаем, Аристарх Платонович. Протокол задержания составим здесь, оформим всё, а потом доставим к вам. Копию протокола привезут городовые.

Рябинин кивнул:

— Благодарю, Аркадий Ильич. Это существенно ускорит дело.

***

Аристарх Платонович без стука открыл дверь начальника сыскного отделения Ивана Макаровича Воронова.

— Аристарх Платонович? — удивлённо произнёс Воронов, поперхнувшись чаем. — Вы же уехали в окружной суд готовить ходатайство. Я вас раньше, чем завтра днём, и не ждал.

— Уже вернулся, Иван Макарович. Окружной судья сразу принял все бумаги и выдал постановление о взятии под стражу, — ответил судебный следователь, устраиваясь за столом напротив Воронова. — Я уже побывал у Горюнова. Как возьмут подозреваемого и оформят протокол, привезут его сюда, для допроса. Но я к вам по другому делу.

— Что опять случилось? — Воронов подозрительно покосился на Рябинина.

— Тут вот какое дело, Иван Макарович, — Аристарх Платонович замолчал, внимательно посмотрев на начальника сыска. — Где вы нашли этого Белозёрова?

— Полноте вам, Аристарх Платонович. Ну ляпнул стажёр всякие несуразности, что ему теперь из-за этого жизнь губить? Он и так в нищете прозябает. Я бы его выгнал уже, но он хоть какую-то пользу приносит. Помогает, как может. С кадрами у нас, знаете ли, большие проблемы, — начал Иван Макарович защищать Василия Белозёрова.

Рябинин улыбнулся и покачал головой:

— Иван Макарович, не знаю, как он это сделал, но все его заключения были верны.

Воронов удивлённо смотрел на Рябинина:

— Тогда я не понимаю вас, Аристарх Платонович. Что вы от меня хотите?

— Хочу просить вас, чтобы вы его теперь на все дела отправляли, — произнёс Рябинин, чем вызвал ещё большее удивление у Воронова.

— Он же стажёр. Не знает ничего, — ляпнул начальник сыска.

— Иван Макарович, вы меня невнимательно слушаете, — моментально став серьёзным, произнёс Аристарх Платонович. — Ваш ничего не знающий стажёр дал правильное заключение, стоя возле трупа. Я хочу посмотреть его в других делах.

Иван Макарович Воронов молча смотрел на Рябинина.

Судебный следователь вздохнул:

— Проявит себя — выбью для него сверхштатное и казённую комнату как особо востребованному сотруднику по линии суда. Вы же говорите, он у вас в нищете прозябает?

Воронов кивнул:

— Именно так, Аристарх Платонович. Хорошо, мне не жалко. Пусть ездит. Дам распоряжение Румянцеву. Но…

— Что «но»? — сразу спросил Рябинин.

— Если он будет околесицу нести и мешать, это будет на вас, Аристарх Платонович, — улыбнулся Воронов.

— Договорились, Иван Макарович. Не выйдет у стажёра себя проявить или будет лезть не в своё дело и портить отношения с людьми — делайте с ним всё, что душа пожелает. Я препятствовать не буду, — согласился Рябинин.

Воронов чуть улыбнулся:

— Не забудьте про сверхштатное, Аристарх Платонович. Мне ему платить нечем.

— Не забуду, если проявит себя. Пойду в допросную. Как привезут подозреваемого, сразу туда направляйте, — судебный следователь встал и вышел из кабинета.

***

На следующий день, как и приказал помощник начальника сыска Румянцев, Василий Игнатьевич Белозёров прибыл в отделение ровно к семи утра.

— Василий, — окликнул его Тихон Мохов, который сегодня был дежурным по отделению. — Тебя начальник сыска, Иван Макарович, ждёт у себя в кабинете. Приехал сегодня ещё до шести, и приказал тебя к нему отправить, как появишься.

Белозёров резко остановился и повернулся к Мохову:

— Тихон, а ты не знаешь, что случилось?

— Вася, ты бы язык за зубами держал, глядишь, и не вызывали бы к начальству, — серьёзным тоном произнёс Мохов.

— Думаешь, это из-за вчерашнего разговора с судебным следователем? — спросил Василий.

— Ага. Больше ты нигде замечен не был, — усмехнулся Тихон.

Белозёров вздохнул и направился в кабинет к начальнику сыска.

Постучав в дверь, Белозёров дождался разрешения и вошёл в кабинет.

— Вызывали, ваше высокоблагородие? — спросил спокойным голосом Василий, хотя внутри всё сжималось.

— Вызывал, Василий. Присаживайся пока, — Воронов показал на стул возле стола. — Сейчас Фёдор Емельянович подойдёт, и поговорим.

Белозёров присел на стул, выпрямил спину и положил ладони на колени, чтобы легкая дрожь в пальцах не выдала его волнения.

«Что делать, если выгонят? Тут я хотя бы знаю, что надо делать… А там, на улице, кому я нужен? В этом времени я вообще чужой. Знакомых здесь нет. Я даже понятия не имею, как тут работу ищут. Попробовать пойти в грузчики на пристань? Но там и своих работяг хватает.

А ведь я даже не могу честно сказать, что умею. Начну объяснять, так они сами же меня в психбольницу и сдадут. А то, что я пытаюсь сам применять, для них это случайная догадка. Вот и выходит, что мои знания здесь, моя же слабость. Я вижу то, чего другие не замечают, но не могу толком объяснить, как я это понял. Буду сидеть молча. Послушаю, что скажут. Оправдываться раньше времени, нет смысла. Может проблема не в судебном следователе? В любом случае, если это мой последний день здесь, так хоть уйду с достоинством».

Белозёров огляделся. Большой сейф у стены, стопка документов на столе Воронова, которые он сейчас подписывал. Всё было чужим, и в тоже время своим. Знакомым. Василий Игнатьевич вдруг почувствовал, что не хочет отсюда уходить. Это место стало единственным в чужом времени, где он хоть что-то понимал.

В коридоре послышались шаги. Дверь открылась без стука, и в кабинет вошёл Фёдор Емельянович.

— Доброе утро, Василий, — поздоровался он с порога и, подойдя к столу, сел напротив.

— Ну что, Фёдор Емельянович, рассказывай. Твой протеже, тебе и говорить, — Воронов отложил в сторону документы и посмотрел на Белозёрова.

В это мгновение Василий Игнатьевич понял, что бы они ни сказали, спорить бесполезно, как и оправдываться.

— Василий, — начал серьёзным тоном Румянцев, — не знаю как… — он прервался и быстро глянул на Воронова, — да что тут говорить, никто не знает как, но ты вчера при осмотре трупа сделал абсолютно верные выводы. Как итог, преступник схвачен. Вчера Аристарх Платонович провёл допрос, и задержанный признал свою вину под гнётом неоспоримых доказательств. Сейчас он в тюрьме. Его ждёт суд и каторга.

Румянцев замолчал, продолжая в упор смотреть на Василия.

Белозёров молчал, пока не понимая, зачем его вызвали. Похвалить? Или наказать?

— Фёдор Емельянович, ты не допрос ведёшь, в конце концов. Не томи уже. Видишь, наш стажёр и так весь на нервах. А ты ещё больше страху нагоняешь, — усмехнувшись, произнёс Воронов.

— Иван Макарович, как могу. Сам же приказал разговор вести, — ответил Румянцев, посмотрев на своего начальника.

— Ладно, — махнул рукой Воронов. — Василий, ты удивил не только нас и всё отделение сыска, но и Аристарха Платоновича. Он вчера приходил ко мне и просил за тебя.

Белозёров удивлённо посмотрел на Воронова.

— Не смотри так, я сам удивился, как, впрочем, и Фёдор Емельянович, когда я ему всё рассказал, — Воронов стал серьёзным. — Теперь будешь ездить на каждое дело. И днём, и ночью. Ночью за тобой будет городовой приезжать или дежурный сыщик. Так что будь готов.

Белозёров кивнул, стараясь сдержать охватившую его радость.

— Это не всё, — продолжил Воронов. — Проявишь себя, Рябинин тебе выбьет сверхштатное содержание и казённую комнату, чтобы ты не думал о хлебе насущном, а занимался работой. У нас нет такой возможности, но у судебного следователя есть.

Василий Игнатьевич не сдержался и улыбнулся.

— Рано радуешься, Василий, — строгим голосом вставил Румянцев. — Не оправдаешь доверия, будешь у меня всю оставшуюся жизнь в стажёрах ходить.

— Так точно, ваше благородие, Фёдор Емельянович, — продолжая улыбаться, ответил Белозёров.

На столе Воронова зазвонил телефон.

— Слушаю, — взяв трубку, ответил Воронов.

Выслушав говорившего на том конце провода, Иван Макарович произнёс:

— Хорошо, Аркадий Ильич, ждите.

Повесив трубку, он посмотрел на Румянцева:

— Горюнов звонил. Во дворе доходного дома купца Тихомирова, на Пятницкой улице, дом 27, обнаружен труп молодого мужчины. Нашёл его дворник и сразу вызвал городовых. Аркадий Ильич просит прислать сыщика и фотографа.

— Понял, Иван Макарович, — Румянцев встал и посмотрел на Белозёрова.

Василий Игнатьевич сразу поднялся, ожидая распоряжений.

— Василий, беги до Петра Степановича, помоги ему собраться, а я Мохова предупрежу, — приказал Румянцев.

Белозёров молча развернулся и вылетел из кабинета.

— Фёдор Емельянович, ты бы съездил с ними. Посмотрел, как Василий работает, — предложил Воронов.

— Да я сам об этом подумал. Уж больно мне интересно стало. Был тихоня тихоней. Еле ноги переставлял из-за болезни. А теперь смотри-ка, и бегает, и заключение верное сделал, получше, чем судебный врач в полицейском участке, — задумчиво ответил Румянцев и посмотрел на Воронова. — Поеду тоже, Иван Макарович.

— Потом рассказать не забудь. А то знаю тебя, самое интересное всегда скрываешь, — усмехнулся Воронов.

— Расскажу, обязательно, — ответил Фёдор Емельянович и направился следом за Василием.

Белозёров влетел в лабораторию к Лужину и, быстро осмотревшись, нашёл взглядом фотографа. Он сидел в своём маленьком кабинете и пил чай. Сквозь открытую дверь кабинета его было отлично видно.

— Пётр Степанович! — крикнул Василий и быстрым шагом пошёл к кабинету. — У нас новый труп. Румянцев приказал срочно собираться.

— Во-первых, доброе утро, Василий, — произнёс Лужин, делая очередной глоток чая. — У меня всё давно собрано. Так что время у нас есть. Допью чай и пойдём. Труп от нас не убежит.

— Доброе утро, Пётр Степанович, — Белозёров сел на свободный стул.

— Пока я пью чай, лучше расскажи, зачем тебя Воронов с Румянцевым вызывали? — прищурившись, спросил Лужин.

Глава 4

Колёса застучали по брусчатке, две пролётки подкатили к доходному дому купца Тихомирова на Пятницкой. Взмыленные лошади замерли возле арки, ведущей во двор. Над городом висел утренний туман, вперемешку с угольной пылью, ухудшая видимость.

— Тихон, помоги Лужину и Белозёрову с оборудованием, а я пока найду Горюнова, — приказал Румянцев, спрыгивая с пролётки и поправляя мундир.

Мохов молча кивнул и направился ко второй пролётке, где фотограф Пётр Степанович Лужин и Белозёров осторожно доставали штатив с камерой, саквояж и большой ящик с новыми пластинами.

— Аккуратнее, Тихон, тут пластины хрупкие, — предупредил Лужин, когда Мохов взял ящик. — Василий, штатив не погни, — заворчал Пётр Степанович и посмотрел на Белозёрова.

Белозёров, державший в руках штатив с камерой, кивнул и отошёл чуть в сторону, пропуская Мохова с ящиком.

— Да ты не трясись, Василий, — негромко сказал Мохов, перехватывая груз. — Пошли, вон уже к нам Ефимка спешит, значит, Румянцев нашёл Горюнова.

Лужин взял саквояж и пошёл навстречу околоточному надзирателю, Мохов и Белозёров поспешили следом.

Румянцев, отправив Ефима Степановича встречать фотографа и сыщиков, быстрым шагом пересёк двор, минуя оцепление городовых, которые безуспешно пытались разогнать толпу зевак, собравшихся возле арки. У подъезда, прислонившись к стене, стоял начальник полицейской части Аркадий Ильич Горюнов. Рядом с ним переминался с ноги на ногу дворник, теребя в руках шапку.

— Фёдор Емельянович, — кивнул Горюнов, отходя от стены при виде Румянцева. — Наконец-то. Дворник Кузьма нашёл тело ещё на рассвете. Сразу городовых позвал. Они всё оцепили, но народ всё равно лезет.

— Доброго утра, Аркадий Ильич. Что-то вид у вас болезненный, — поздоровался Румянцев.

— Подняли ни свет ни заря. А я только уснул, вот и выгляжу болезненно, — вздохнул Горюнов.

— Где тело? — Румянцев оглядывал двор.

— Во внутреннем дворе, за флигелем. Там раньше уголь хранили, теперь пусто. Труп лежит прямо на брусчатке, будто его нарочно туда положили, — сдерживая зевок, ответил Горюнов.

Румянцев нахмурился:

— Нарочно или нет — разберёмся. Ведите.

Горюнов махнул городовому, и тот, поняв без слов, повёл их через вторую арку, во внутренний двор.

Внутренний двор был затянут бельевыми верёвками, покрытыми утренней росой. С правой стороны находился покосившийся сарай, на дверях которого висел ржавый замок. В глубине двора туман стоял особенно густой, покрывая сыростью всю округу и сильно ухудшая видимость.

У стены флигеля, на тёмной от постоянной влаги брусчатке, лежало тело. Молодой мужчина в старом тёмно-зелёном сюртуке, с бледным лицом. Глаза были открыты и смотрели прямо перед собой.

Лужин, подошедший следом, молча поставил саквояж и забрал камеру у Белозёрова.

— Света практически нет, — пробормотал фотограф. — Но хоть дождь не идёт. Сниму с нескольких ракурсов, чтобы хоть что-то было видно.

— Тихон, — позвал Румянцев, — пока Пётр Степанович и Василий занимаются уликами, бери Ефима и займись опросом свидетелей, если таковые найдутся.

— Будет сделано, Фёдор Емельянович, — ответил Мохов и, махнув Ефиму, сразу направился к дворнику, который стоял поодаль.

— Аркадий Ильич, осмотр тела делали? — спросил Румянцев.

— Нет, Фёдор Емельянович. Я запретил всем приближаться к телу, зная, что Пётр Степанович ругаться будет, если городовые снова тут всё затопчут, — ответил начальник полиции.

— Уже затоптали, — услышав разговор Горюнова и Румянцева, произнёс Лужин. — Хорошо хоть тело не трогали.

Белозёров, стоявший чуть позади фотографа, медленно обвёл взглядом место происшествия:

— Тело переворачивали. Изначально оно лежало на животе.

— Почему ты так решил, Василий? — к нему тут же подошли Горюнов и Румянцев, а Лужин повернул голову.

— Вон там, — Белозёров показал на тёмное пятно на брусчатке, — следы крови. Одежда сверху испачкана. Также рана: по виду удар нанесён тонким длинным лезвием, между рёбер — сразу, точно попав в сердце. Но нужен более детальный осмотр, чтобы точно установить тип оружия: сейчас я могу ошибаться. Тело завалилось на живот, кровь вытекла на брусчатку. Я уверен, что тело перевернули и обыскали, но не сразу. А потом, примерно через два часа после смерти, когда кровь уже свернулась.

Горюнов и Румянцев переглянулись.

— Тихон! — крикнул Румянцев.

Через несколько секунд к ним подошёл сыщик, который допрашивал в это время дворника.

— Слушаю, Фёдор Емельянович.

— Василий говорит, тело перевернули и обыскали через два часа после смерти, — произнёс Румянцев.

— То-то я думаю, чего это дворник не может нормально описать мне, как тело лежало. Вот же старый пройдоха, решил поживиться, — усмехнулся Мохов.

— Давай-ка мы его в участок заберём, Фёдор Емельянович. А там я лично его допрошу вместе с Тихоном, — предложил Аркадий Ильич.

— Если он что-то у него забрал, это надо вернуть сейчас. Там могут быть важные улики, — вставил Белозёров.

— Хорошо, — согласился Горюнов. — Тихон, тащи дворника сюда.

Мохов и Рябов привели дворника.

— Ну что, Кузьма, рассказывай, — приказал Горюнов.

— Так я всё рассказал, уже, ваше высокоблагородие, — дворник опустил глаза, теребя шапку в руках.

— Под суд у меня пойдёшь, иуда! — рыкнул Горюнов. — Зачем тело трогал, говори!

— Клянусь Богом, не трогал ничего! — дворник упал на колени.

— Обыщи его, — приказал Румянцев Мохову.

Ефим дёрнул дворника за шиворот, поднимая с колен, а Мохов стал быстро обыскивать.

— Деньги откуда? — рявкнул Горюнов, когда Мохов достал из внутреннего кармана дворника несколько смятых бумажек.

— Простите, ваше высокоблагородие, — дворник снова рухнул на колени. — Бес попутал.

— Рассказывай всё, иначе сгною на каторге! — Горюнов шагнул к дворнику.

— Утром… — дворник зарыдал, — жажда одолела, а тут это… — дворник кивнул на труп. — Бес попутал! — запричитал Кузьма.

— Ты его убил? — Горюнов навис над дворником.

— Нет, нет, ваше высокоблагородие! Я уже нашёл его таким. Он на животе лежал. Я думал, пьяный спит. Ну и перевернул, а он уже того… — дворник посмотрел на небо и перекрестился, — представился.

— Дальше! — приказал Горюнов.

— Я… ну это… — дворник опустил глаза.

— Ну! — Горюнов начинал злиться.

— Обыскал его, деньги забрал, ещё там всякие безделушки, — дворник опять зарыдал. — Простите, ваше высокоблагородие! Всё верну. У меня тут, рядом, я мигом.

— Ефим, Тихон, сходите с ним, — приказал Горюнов.

Тихон с Ефимом схватили дворника, подняли с колен и, подгоняя пинками, пошли за ним.

— Ну что? — Лужин посмотрел на Горюнова и Румянцева. — Сделаю снимки как есть, потом вернём тело, как было изначально, и снова сфотографирую. Дальше — детальный осмотр. Посмотрим, может, дворник не все улики уничтожил.

— Работайте, Пётр Степанович, — кивнул Румянцев.

— Василий, доставай фонарь. Света мало, — сказал Лужин и стал настраивать камеру.

Вернулись Тихон с дворником и Ефимом. Взяли картонку и выложили всё, что изъяли у Кузьмы: старые, потёртые часы на цепочке, дешёвый платок, цепочка с крестиком, деньги и паспортная книжка.

Румянцев осторожно раскрыл паспортную книжку и пробежал глазами по строчкам:

Фамилия, имя, отчество: Орлов, Дмитрий Петрович

Звание, сословие: студент Императорского Московского университета (в отпуске от занятий)

Вероисповедание: православное

Возраст: двадцать три года

Место приписки: село Никольское, Кашинский уезд, Тверская губерния

Срок действия документа: до 15 марта 1904 года

Особые отметки: нет

— Студент… — произнёс Румянцев, передавая книжку Мохову. — Запомни данные и отправляйся в университет. Найди, с кем он там учился, и опроси.

Тихон нахмурился, запоминая данные, и посмотрел на Горюнова:

— Аркадий Ильич, прикажите Ефиму пусть опросит остальных.

— Хорошо, Тихон. И Кузьму пока в участок отправлю — может, успокоится и ещё чего вспомнит. Да и пусть посидит для профилактики, — кивнул Горюнов.

— Василий, — позвал Румянцев, когда Тихон ушёл. — Что-то ещё нашёл?

Белозёров кивнул и опустился на корточки, всматриваясь в стыки брусчатки. Пальцем провёл по одной из выбоин, где скопилась мутная вода.

— Пётр Степанович… можно на минуту? — позвал он Лужина.

Фотограф, а следом за ним Румянцев и Горюнов подошли ближе.

— Что там? — спросил Горюнов.

— Дубовый жёлудь, — ответил Белозёров.

Лужин хмыкнул, в глазах мелькнуло удивление:

— Молодец, что заметил. Но жёлудь и жёлудь.

— Пётр Степанович, давайте снимем на всякий случай. Вы много знаете в округе дубов? — Белозёров посмотрел на фотографа.

— Ну, может, принёс кто-то, — смутившись, произнёс Лужин.

— Делайте, что он говорит, Пётр Степанович, — из-за спин стоящих вокруг Белозёрова послышался голос судебного следователя Рябинина.

— Аристарх Платонович, доброе утро, — поздоровался Горюнов. — Я не ждал вас так быстро. Мы только работать начали.

Румянцев, Горюнов и Рябинин отошли в сторону, чтобы не мешать Лужину и Белозёрову.

— И зачем тебе, Василий, этот жёлудь сдался? — бурчал Лужин, меняя пластину в камере и выставляя фонарь, чтобы свет падал без перекоса.

— Пётр Степанович, дубовый жёлудь во дворе Москвы, как минимум странно. Тем более, по виду, лежит он тут совсем недавно, — произнёс Белозёров, продолжая обследовать брусчатку вокруг тела.

Пока Лужин менял пластину и настраивал объектив, Белозёров поднял глаза и увидел, как Румянцев, Горюнов и Рябинин подошли к телу, тихо переговариваясь. Аркадий Ильич что-то показывал, а Аристарх Платонович кивал, делая пометки в блокноте.

В этот момент Василий Игнатьевич вдруг почувствовал беспокойство, что-то знакомое мимолётно промелькнуло в его мыслях. Он резко встал и подошёл к говорившим:

— Могу я присутствовать на вскрытии в прозекторской? — спросил Белозёров.

Горюнов посмотрел на Рябинина, и тот согласно кивнул.

— Хорошо, Василий, — ответил Горюнов. — Если Фёдор Емельянович не против.

— Пусть поезжает, — согласился Румянцев.

Белозёров молча кивнул и пошёл помогать Лужину делать фотографии.

***

Городовые внесли труп в прозекторскую в полицейском участке. Старый судебный врач бросил косой взгляд на Белозёрова, но промолчал.

— Семён Лукич, — Горюнов посмотрел на врача, — стажёр Белозёров Василий из отделения сыщиков будет присутствовать при вскрытии. Потом отдадите ему копию заключения, он передаст его Аристарху Платоновичу.

— Как прикажете, Аркадий Ильич, — хриплым голосом ответил судебный врач.

Семён Лукич Тулин в свои семьдесят два года был ещё полон сил. Он проработал в полицейском участке больше двадцати пяти лет, вскрывая тела и делая заключения о причинах смерти.

— Ну-с, давайте начнём, юноша, — произнёс судебный врач, подходя к трупу, когда все удалились.

Он остановился у стола, привычным движением поправил очки на переносице и склонился над телом, внимательно осматривая повреждения. Белозёров встал с другой стороны стола, стараясь не загораживать свет, но внимательно слушая врача.

— Рана одна, удар мастера, — заговорил Тулин, осторожно раздвигая края разреза на сюртуке и рубашке. — Тонкое лезвие, узкий клинок. Удар пришёлся между третьим и четвёртым рёбрами слева — точно в сердце. Профессиональный удар. Случайно так не попадают. Убийца очень хорошо знает, как убивать моментально.

Белозёров чуть наклонился, внимательно осматривая рану:

— Смерть наступила мгновенно: удар пробил перикард, вызвал тампонаду сердца, кровь скопилась в околосердечной сумке, и орган перестал сокращаться.

Судебный врач удивлённо посмотрел на Белозёрова:

— Вы говорите, как врач с большим опытом. Учились?

— Только учусь, — соврал Белозёров.

— Значит, вы очень хорошо учитесь, молодой человек. Похвально. В наше время образованных молодых людей, знаете ли, встретишь достаточно редко. Мысли у них сейчас заняты другим, — уважительно проговорил Семён Лукич, сразу поменяв своё отношение к Белозёрову.

Судебный врач аккуратно сделал надрез и продолжил работу, комментируя для себя и для Белозёрова:

— Крови внутри немного, значит, сердце остановилось почти сразу. Признаков борьбы не видно, — Семён Лукич вместе с Василием сняли с трупа одежду и стали осматривать тело. — Похоже, жертва не ожидала удара. Стояла спокойно.

— Скорее всего, жертва и убийца были знакомы, — добавил Белозёров.

Тулин кивнул, не поднимая головы:

— Вполне. Направление удара — сверху вниз и чуть спереди назад. Такой угол невозможно получить, если жертва двигается. Удар нанесён сильной рукой. И лезвие было острым: края раны ровные, без зазубрин.

Закончив осмотр, Тулин выпрямился и подошёл к столу.

— Причина смерти — проникающее ранение сердца острым предметом с узким клинком. Время смерти, судя по степени окоченения и температуре тела, примерно четыре-шесть часов назад. То есть где-то между двумя и четырьмя часами ночи, — начал писать заключение судебный врач.

Белозёров присел на свободный стул рядом с врачом, ожидая, пока Тулин напишет заключение.

— Семён Лукич, как вы считаете, какого роста был убийца? — спросил Василий.

Врач на мгновение задумался:

— Примерно метр семьдесят пять, максимум метр восемьдесят. Убийца бил чуть сверху, значит, должен был быть выше жертвы, но ненамного. Давай допишу в заключение этот момент, Василий.

— Спасибо, Семён Лукич, — произнёс Белозёров, забирая копию заключения, когда врач закончил писать.

— Это моя работа, молодой человек, — кивнул врач. — По характеру раны я бы сказал, что это не обычный нож. Слишком тонкий клинок. Стилет или, скажем, длинный шилообразный кинжал.

— Я уверен, что это был стилет, Семён Лукич, — утвердительно произнёс Белозёров.

— Откуда такая уверенность, юноша? — удивился врач.

— Удар мастера. Значит, били более благородным оружием, — ответил Белозёров.

— Возможно, возможно, но другие версии я бы пока не отвергал, — согласился врач.

Белозёров кивнул и направился к выходу.

Василий Игнатьевич поднялся из прозекторской в коридор полицейского участка, где его встретил Ефим Степанович:

— Василий, Аристарх Платонович вместе с Фёдором Емельяновичем уехали в сыскное отделение. Приказали доставить тебя туда, как только заберёшь заключение у судебного врача.

— Спасибо, Ефим Степанович. А то у меня совсем нет денег, — произнёс Белозёров, смутившись.

— Поэтому и приказали, зная, что пешком ты долго добираться будешь. Пошли, пролётка уже ждёт, — околоточный надзиратель пошёл вперёд.

Выйдя на улицу, Ефим подошёл к ожидающей пролётке:

— Стёпка, быстро доставь молодого человека в сыскное отделение, — Рябов сунул извозчику деньги.

— Довезу с ветерком, Ефим Степанович, — улыбнулся извозчик.

Пролётка рванула с места, как только Белозёров уселся. Колёса размеренно застучали по мостовой.

Василий Игнатьевич погрузился в воспоминания. Он уже видел подобные раны в своём времени. Профессиональный удар стилетом моментально убивал жертву: минимум крови, никаких криков, никаких других следов или отпечатков.

— Приехали, господин хороший, — услышал он голос извозчика, вырвавший его из размышлений.

Белозёров кивнул:

— Спасибо.

И, выскочив из пролётки, быстрым шагом направился в отделение сыска.

На входе в отделение Белозёрова встретил дежурный:

— Василий, быстро беги в кабинет Ивана Макаровича. Все там собрались, заждались уже тебя.

Белозёров кивнул и ускорил шаг.

Остановившись возле кабинета начальника отделения сыска, Василий Игнатьевич выдохнул, поправил свой старенький сюртук и постучал.

— Входите, — услышал он голос Воронова и открыл дверь.

— Принёс? — сразу спросил Рябинин, как только Белозёров сделал шаг в кабинет.

— Так точно, ваше высокоблагородие, — отчеканил Василий и, быстро подойдя к столу, протянул заключение судебного врача.

— Присаживайся, Василий, и рассказывай всё, что думаешь по этому делу, — приказал Воронов.

Белозёров сел на свободный стул, собрался с мыслями и начал рассказывать.

Глава 5

Аристарх Платонович открыл глаза, как только Василий перестал говорить:

— Это всё?

— Да, — ответил Белозёров.

— Выйди пока, Василий. Мы позовём, — произнёс Румянцев.

Белозёров встал и покинул кабинет начальника сыскного отделения.

Как только дверь за ним закрылась, Воронов заговорил:

— Опять никаких улик. Уже пятое убийство за пять месяцев.

Рябинин посмотрел на Воронова:

— Иван Макарович, у нас сейчас четыре нераскрытых дела, и улик практически нет. Если это станет пятым… Прокурор уже намекал мне, что его терпение не безгранично, а в судебной палате, поговаривают, думают, не передать ли дела другому следователю — тому, кто быстро дела закроет.

Воронов хмыкнул:

— Знаю я, как другие дела закрывают. Сейчас найдут кого-нибудь, выбьют признательное — и всё. А настоящие душегубы будут на свободе гулять.

— Именно, — кивнул Рябинин, облокотившись на стол. — Если сегодня не будет хотя бы одной зацепки, завтра мне придётся писать объяснение: почему по четырём делам нет прогресса и почему пятое тоже буксует.

Румянцев тоже наклонился вперёд:

— Предлагаете Ваську привлечь ко всем делам, Аристарх Платонович?

— Не знаю, — задумчиво произнёс Рябинин. — Взгляд у него на всё интересный. Многие вещи видит, на которые мы внимания не обращаем.

— Пусть Василий посмотрит, Аристарх Платонович. Забирайте его с собой. А мы пока по сегодняшнему делу поработаем. Ещё Мохов не возвращался — может, что-нибудь новое узнает. Да и Горюнов должен отчёты по допросам от Ефима вам прислать. Глядишь, и найдём чего, — сказал Воронов.

— Ладно, так и решим. Верну вам Василия, как он старые дела посмотрит. Может, и вправду найдёт что-нибудь стоящее в них, — Аристарх Платонович посмотрел на Воронова.

— Фёдор Емельянович, не откажи в любезности, позови Василия, — попросил Иван Макарович.

Румянцев встал и, открыв дверь, позвал Белозёрова.

— Василий, — начал говорить Воронов, когда Белозёров устроился на стуле, — поезжай с Аристархом Платоновичем. Он тебе всё расскажет. Пока поработаешь с ним.

— Как прикажете, ваше высокоблагородие, — кивнул Василий Игнатьевич, уже подозревая, что ему собираются показать нераскрытые дела, но решил не высказывать свою догадку вслух.

Судебный следователь, внимательно наблюдая за Василием, усмехнулся, уловив момент, когда Белозёров догадался, зачем его отправляют с ним.

— Ты прав, Василий, — произнёс Рябинин. — Есть несколько дел. Хочу, чтобы ты посмотрел.

Белозёров улыбнулся:

— Как прикажете, ваше высокоблагородие.

— Поехали, — Аристарх Платонович встал и направился к выходу из кабинета.

— Ты уж там посмотри всё внимательно, Василий. Мы все в одной упряжке, — напутствовал Румянцев.

— Я сделаю всё, что смогу, — пообещал Белозёров, направляясь следом за судебным следователем.

Пролётка тихо скрипнула рессорами, когда Рябинин и Белозёров уселись на сиденья. Извозчик прикрикнул на лошадь, щёлкнул кнутом, и пролётка сорвалась с места, застучав колёсами по мостовой.

Аристарх Платонович достал из папки несколько листов — короткие справки по нераскрытым делам. Взяв первый листок, он негромко заговорил, пододвинувшись так, чтобы Василий его слышал:

— Итак, первое дело. Пётр Семёнович Лаптев, купец второй гильдии. Был убит в своём доме на Солянке в марте этого года ударом в спину. В заключении судебного врача сказано, что рана нанесена узким клинком между лопаток. По виду раны клинок очень похож на тот, что мы видели сегодня, — сделал замечание Рябинин. — Дальше, следов борьбы не обнаружено. Слуги ничего не слышали. Жена Лаптева уверяет, что из кабинета ничего не пропало. Проверку проводила при понятых: деньги, ценные бумаги, драгоценности — всё на месте. Дверь в кабинет была закрыта изнутри на ключ. Возможно, убийца вошёл через дверь, а потом ушёл через окно. Но слуги уверяют, что ничего не слышали.

Рябинин взял второй листок:

— Второе дело. Авдотья Фролова, мещанка, проживала в доходном доме на Таганке. Убита в апреле. Нашли её в комнате, возле кровати. Картина похожая: один удар клинком с тонким лезвием, следов борьбы не было. Когда её нашли, дверь была открыта — возможно, она сама впустила убийцу. Свидетели, жильцы из соседней комнаты, говорят, что слышали разговор за стеной. Утром её нашли убитой. Отпечатков не нашли. Других следов тоже.

Белозёров так же тихо спросил:

— Значит, мужчины и женщины?

— Да, — кивнул Рябинин, не глядя на Василия. — Третий случай: студент Иван Костин из Императорского Московского университета. Убит в мае ударом в сердце, и тоже клинок с тонким лезвием. Его тело нашли в переулке у Никитских ворот.

Рябинин помолчал, полистал бумаги, доставая последнюю сводку:

— Четвёртое дело… самое неприятное. Отставной штабс-капитан Николай Ильич Воронов — однофамилец Ивана Макаровича, кстати. Убит в июне в своей квартире на Пречистенке. Удар в грудь, попали в лёгкое. Он умирал дольше, мучился.

Аристарх Платонович убрал бумаги и посмотрел на Белозёрова:

— Я тебе выдам все дела. Посидишь у меня в кабинете, изучишь всё. Посмотришь улики. Кое-что есть по каждому делу, но всё — мелочи. Фотографии изучишь и заключения судебного врача.

Василий слушал, потом сказал:

— То есть у нас есть четыре дела: купец с запертой дверью, мещанка, которая, похоже, сама открыла, студент в переулке и отставной офицер, который, видимо, пытался сопротивляться… И везде — узкий клинок?

— Да, — кивнул Рябинин. — Кроме клинка, ничего общего. Свидетелей нет. Отпечатков и следов тоже. Посмотришь дела, почитай протоколы допросов. Может, что-то найдёшь общее. Пока мы считаем, что в Москве завёлся серийный душегуб. Но объединить всё в одно дело не можем. Фактов мало. Только предположения.

Пролётка притормозила и свернула направо. Впереди показалось здание окружного суда.

— А теперь к этому добавился Орлов, — добавил Рябинин. — Студент, как и Костин. И удар снова в сердце. И снова клинок с узким лезвием.

Белозёров посмотрел на судебного следователя:

— И вы хотите, чтобы я посмотрел на эти дела?

Рябинин кивнул:

— Именно. У тебя взгляд другой. Мыслишь ты по-другому, да и многое замечаешь, чего мы не видим.

Пролётка лихо остановилась возле окружного суда.

Рябинин сунул деньги извозчику:

— Пошли, Василий. Работы много.

Войдя в кабинет Рябинина в окружном суде, Василий привычно огляделся. Вдоль стен стояли шкафы с делами, в центре — большой массивный стол с аккуратно уложенными стопками бумаг и папок. В углу, возле окна, стоял стол поменьше — сейчас он был абсолютно пуст. На одной из стен, где не было шкафов, висела карта Москвы, а чуть ниже — расписание судебных заседаний по текущим делам, уже находившимся в производстве. Несколько стульев для посетителей и большое зеркало дополняли интерьер.

— Присаживайся за свободный стол, Василий, — Аристарх Платонович показал на стол возле окна.

Как только Василий устроился, Рябинин разложил перед Белозёровым четыре папки и показал на самую крайнюю:

— Начинай с первого дела. Дело Лаптева. Оно было, как помнишь, первым.

Василий Игнатьевич кивнул и, взяв первую папку, открыл её на первой странице. Листы уже чуть пожелтели, фотографии стали не такими яркими. Быстро пробежав первые строки дела, выведенные ровным почерком писаря, Белозёров стал рассматривать снимки.

Тело Лаптева лежало лицом вниз, руки раскинуты в стороны. На спине, между лопаток, — кровавое пятно. На следующем снимке уже более крупно была запечатлена сама рана: ровное узкое отверстие. Просмотрев остальные фотографии, Белозёров не нашёл ничего интересного.

Он посмотрел на схему комнаты, где был обнаружен труп. Поводив пальцем по схеме, на минуту прикрыл глаза, мысленно прикидывая расстояние от двери до окна. Отложил её в сторону и достал заключение судебного врача Семёна Лукича Тулина, углубившись в чтение.

— Хм… — Василий снова перечитал заключение врача.

— Что-то нашёл? — Рябинин оторвался от бумаг и посмотрел на Белозёрова.

— Семён Лукич пишет: «Удар нанесён сверху вниз», — прочитал Василий и поднял глаза на Аристарха Платоновича.

— Да. С большой силой. Клинок вошёл глубоко, почти без сопротивления, — судебный следователь внимательно смотрел на Василия.

Белозёров встал из-за стола и подошёл к Рябинину:

— Ваше высокоблагородие, можете встать? — попросил Василий.

— Василий, наедине называй меня Аристарх Платонович, — сказал Рябинин, вставая.

— Хорошо, Аристарх Платонович, повернитесь ко мне спиной, — Василий за плечи поставил Рябинина так, как ему было нужно. — Смотрите в зеркало.

Судебный следователь повернул голову, посмотрев в зеркало на стене.

— Судя по записям врача, рост жертвы примерно такой же, как и у вас, — Василий взял со стола Рябинина карандаш и плавно нанёс удар между лопаток следователя. — Видите? Человек моего роста не мог нанести такую рану. Тем более человек более низкого роста. Угол наклона входного отверстия характерен для удара более высокого человека, чем жертва. Примерно два метра ростом. Иначе такой угол наклона входного отверстия просто невозможен.

— Значит, убийца был выше жертвы? — Рябинин развернулся к Василию.

— И не просто выше, а намного. Если Лаптев был вашего роста, то тот, кто ударил, должен быть под два метра. К тому же он должен быть очень сильным, чтобы вогнать орудие убийства на такую глубину.

Рябинин нахмурился:

— Под два метра… Таких не так уж и много.

Белозёров быстро вернулся к столу и снова взял заключение врача:

— Так… — Василий внимательно прочитал описание раны. — Характер раны, глубина, форма канала… — Белозёров задумчиво посмотрел на Рябинина. — Клинок узкий, но это точно не стилет. Это что-то простое. Очень похоже на нож для колки льда. У него тонкое и прочное лезвие. И к тому же он есть почти в каждом доме, где держат ледник. Никто не считает его оружием.

— Нож для колки льда, — повторил Рябинин.

— Да. Его никто не прячет. Его оставляют в коридоре, на кухне или на полке. Убийца мог взять его на месте, ударить и вернуть обратно. Или унести с собой. Вряд ли слуги смогли связать пропажу ножа для колки льда с убийством. Дальше…

Белозёров начал переворачивать страницы в папке:

— Ага, вот здесь… — он снова углубился в чтение. — Дверь заперта изнутри. Но следов взлома нет. Значит, либо жертва сама впустила убийцу, либо дверь была открыта изначально, что скорее всего. Убийца вошёл в дверь, Лаптев никак не отреагировал и даже повернулся к нему спиной. Выходит, он очень хорошо знал убийцу. В этот момент убийца нанёс удар. Потом закрыл дверь, чтобы у него было время скрыться, и вылез через окно.

— Окно, — кивнул Рябинин. — Мы думали об этом. Но дом каменный, стены гладкие. Как он спустился?

— Высокий и сильный человек легко дотянется до водосточной трубы и легко по ней спустится. Это не проблема, — сразу возразил Василий.

Рябинин медленно кивнул:

— Логично. Очень логично.

Рябинин сложил руки за спиной и стал ходить по кабинету, погрузившись в мысли. Потом остановился и посмотрел на Василия:

— В доме Лаптева… там был слуга. Высокий, сильный и немой. Всё слышит и даже немного может писать. На наши вопросы он писал ответы, но в основном простые: «Да», «Нет», «Не знаю», «Не слышал». Жена Лаптева сказала, что в детстве его семью убили, а ему язык отрезали.

Василий помолчал, потом спросил:

— Откуда он вообще взялся у Лаптевых?

— Вроде как из приюта. Точно не скажу. Но хозяйка его взяла лет пять назад. Слуги говорили, что он сильный, молчаливый и всю тяжёлую работу делает. Для дома Лаптевых это ценный слуга, — сообщил Рябинин.

— Высокий, сильный, привык не задавать вопросов и делать, что скажут. Идеальная прислуга. Или идеальный исполнитель. А ещё он молодой, — Белозёров посмотрел в глаза судебному следователю.

— Ты думаешь, они были связаны? — сразу отреагировал Рябинин.

— Думаю, да, — уверенно произнёс Белозёров. — Любовники. Лаптев мог что-то заподозрить или увидеть. Захотел развестись. Жена испугалась скандала или потери положения. Вот и приказала своему любовнику избавиться от мужа.

Рябинин смотрел на Василия, потом быстро подошёл к столу, взял лист бумаги и начал писать.

— Я подам ходатайство на задержание. Слуги — по подозрению в убийстве. Купчихи — по подозрению в соучастии и подстрекательстве.

— У нас нет прямых доказательств, — Василий облокотился на стол.

— Найдём, — ответил Рябинин. — Проведём обыск. Будем искать нож для колки льда. Если он у слуги, будет проще: попробуем на нём найти остатки крови. А если его вдруг «потеряли» после убийства и приобрели новый, то это тоже улика. Допросим повторно всех слуг. Может, кто-то знает про любовную связь между немым слугой и купчихой.

Он подписал бумагу, поставил сургучовую печать и встал из-за стола:

— Василий, я к окружному судье. Жди здесь. Посмотри пока другие дела.

— Хорошо, Аристарх Платонович. Как минимум одно дело точно не в серии. А по остальным сейчас посмотрю. Возможно, они тоже только похожи, — сказал Василий Игнатьевич.

— Дай бог, Василий. Мне серийного душегуба ой как не хочется ловить, — Рябинин вздохнул и вышел из кабинета.

Белозёров открыл следующее дело: «Авдотья Фролова, мещанка, работала швеёй, долгов не имела. Была найдена убитой в комнате доходного дома на Таганке». Василий закрыл папку и отложил в сторону, снова взяв дело Лаптева.

«Надо понять, где убийца мог оставить следы, которые не смогли сразу обнаружить», — подумал Белозёров, листая исписанные страницы. Заключение врача, протоколы допросов, схема комнаты. Василий перебирал листы, читая всё по несколько раз.

Через полчаса дверь в кабинет судебного следователя открылась, и вошёл Рябинин.

— Собирайся, сейчас поедем в участок к Горюнову, — сказал Рябинин, поднимая трубку стоящего на столе телефона.

— Иван Макарович, это Рябинин. Отправь в участок сыщика. Я еду туда. Оттуда поедем на задержание и обыск к Лаптевым. — Аристарх Платонович замолчал, но буквально сразу улыбнулся и добавил: — Да, Василий нашёл зацепку. Приезжайте, если желаете.

Рябинин повесил трубку и посмотрел на Белозёрова:

— Посмотрел другие дела?

— Нет, — Василий отрицательно покачал головой. — Снова изучал дело Лаптева. Хочу понять, где можно найти улики, которые не смогли найти в первый раз.

— Есть мысли? — оживился Рябинин.

— Пока нет. Надеюсь, на месте появятся, — ответил Василий, вставая.

Рябинин поправил форменный сюртук, быстро глянул на себя в зеркало и кивнул Василию:

— Пошли. Время не ждёт.

Как только они появились на улице, к ним сразу подкатила стоявшая рядом пролётка:

— Куда, ваше высокоблагородие? — пробасил извозчик.

— В полицейский участок, Гриня. И побыстрее, — приказал Аристарх Платонович, усаживаясь на сиденье. Василий сел рядом.

— Будет сделано, ваше высокоблагородие, — ответил Гриня.

Кнут в руках извозчика интенсивно защёлкал. Лошадь сорвалась с места, рессоры пролётки жалобно скрипнули.

Гриня мчал по мостовой, прикрикивая на прохожих, отгоняя их с дороги. Колёса громко стучали по брусчатке.

Василий смотрел по сторонам, на мелькающие фасады доходных домов, вывески лавок и трактиров. В груди шевельнулось чувство азарта, и он улыбнулся.

Спустя четверть часа пролётка подлетела ко входу в полицейский участок. Аристарх Платонович сунул извозчику деньги:

— Жди здесь, Гриня. Скоро снова поедем, и надолго.

— Как прикажете, — кивнул извозчик.

В дверях участка Рябинина и Белозёрова встретил дежурный городовой:

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие, Аристарх Платонович! Вас уже ждут в кабинете начальника полицейского участка Аркадия Ильича. Также прибыли начальник сыскного отделения с помощником и полицейский надзиратель Мохов.

Рябинин кивнул и быстрым шагом двинулся по коридору к кабинету начальника. Василий последовал за ним.

Аристарх Платонович без стука открыл дверь кабинета начальника полицейского участка и сразу прошёл к столу. Достал из своей папки два листа и положил перед Горюновым:

— Аркадий Ильич, вот постановление о задержании немого слуги по подозрению в убийстве. И второе — на купчиху Лаптеву, по подозрению в соучастии и подстрекательстве. Далее…

Рябинин достал из папки ещё один лист:

— Предписание о производстве обыска в доме купца Лаптева. Адрес и перечень предметов для поиска: нож для колки льда и другие вещи, которые могут служить вещественными доказательствами.

Горюнов взял листы, быстро пробежал глазами:

— Понятые? — спросил Аркадий Ильич.

— Всё, как обычно. Без них обыск недействителен, — ответил Рябинин.

Горюнов кивнул, постучал в стенку, вызывая помощника:

— Сейчас едем на задержание и обыск в дом купца Лаптева. Подозреваемые: немой слуга и хозяйка дома. Найди четверых понятых, поедут с нами. И городовых — шестеро.

Помощник щёлкнул каблуками и вышел.

— Присядьте, Аристарх Платонович, — произнёс сидевший за столом Воронов. — Минут десять у нас есть, пока понятых ищут.

Рябинин сел на свободный стул.

— Василий, а ты чего стоишь? — усмехнулся Румянцев. — Присаживайся рядом и рассказывай.

— Фёдор Емельянович, потом расскажет, — произнёс Рябинин. — Лучше давайте обсудим задержание, обыск и повторные допросы по делу.

Горюнов улыбнулся:

— Аристарх Платонович, не переживайте. Всё сделаем в лучшем виде.

— Лучше повторим всю процедуру. Я не хочу, чтобы потом в суде адвокаты развалили дело из-за того, что мы действовали не по Уставу.

Глава 6

В кабинет постучали.

— Войдите, — крикнул Горюнов.

— Ваше высокоблагородие, Аркадий Ильич, всё готово, — начал говорить помощник Горюнова, как только вошёл. — Понятые на улице, ждут у крыльца. Городовые в сборе.

Горюнов встал:

— Можем выезжать, Аристарх Платонович.

— Тогда едем, — сказал Рябинин и начал подниматься.

Следом поднялись и остальные.

Они вышли на улицу, где уже стояли две пролётки и конный экипаж участка. Городовые быстро расселись, забрав к себе понятых. Рябинин сел в первую пролётку вместе с Василием; рядом устроились Румянцев и Мохов. Воронов поехал с Горюновым на втором экипаже.

Экипажи застучали колёсами по мостовой, направляясь к дому Лаптевых. Вскоре они свернули на Солянку. Купеческие дома в этой части улицы стояли очень плотно, а тротуары сильно сужались из-за стоящих возле лавок ящиков и бочек. Экипажи перегородили часть улицы, остановившись у дома купца второй гильдии Петра Семёновича Лаптева.

— Двое городовых и понятые — со мной, — начал командовать Горюнов, едва соскочив на мостовую. — Остальным городовым окружить дом и никого не выпускать и не впускать. Смотрите, чтобы ничего не выбросили из окон. Ясно?

— Так точно! — рявкнули городовые, занимая места вокруг дома.

Начальник полицейского участка Горюнов подошёл к парадному крыльцу и постучал в дверь. Через минуту дверь приоткрылась, и в щели показалась испуганная служанка.

— Чего надо? — спросила она, держа дверь чуть приоткрытой.

— Полиция, — произнёс Аркадий Ильич, доставая из папки документы. — Открывайте. У нас постановление о задержании хозяйки дома и немого слуги, а также предписание на обыск дома.

Горничная побледнела. Горюнов увидел, как её руки задрожали, но закрыть дверь она не посмела. Отступив внутрь, служанка пропустила Аркадия Ильича и городовых в дом.

Рябинин и остальные зашли следом. Он огляделся, затем посмотрел на Горюнова:

— Аркадий Ильич, пусть понятые встанут здесь, у входа. Так, чтобы всё видеть. Задержанных — в гостиную. Потом пусть городовые начинают обыск. Если что-то найдут, руками не трогать. Пусть зовут нас и понятых. Сначала осматриваем ледник и хозяйственные помещения.

— Где немой слуга и хозяйка? — Горюнов посмотрел на горничную.

— Пелагея Пантелеевна у себя, а Прохор на улице, во дворе, — тихо ответила горничная.

— Городовые — за немым, а я и Фёдор Емельянович — за купчихой, — приказал Горюнов.

Один из городовых кивнул и направился к боковой двери, ведущей во двор и к пристройкам. Румянцев последовал за Горюновым в комнату купчихи.

Белозёров посмотрел на Рябинина:

— Мне бы комнату осмотреть, где Лаптева убили.

— Пошли, — кивнул Аристарх Платонович и посмотрел на стоящего рядом Воронова. — Иван Макарович, сделайте милость, допросите повторно с Тихоном всех слуг.

— С удовольствием, Аристарх Платонович. Давно уже этим не занимался. Тряхну, так сказать, стариной, — улыбнулся начальник отделения сыска. — Тихон, давай всех по очереди на кухню.

Рябинин кивнул и вместе с Белозёровым отправился на второй этаж, в кабинет убитого купца Лаптева.

— Есть мысли? — спросил судебный следователь у Василия, поднимаясь по лестнице.

— Да. Хочу оценить расстояние до водосточной трубы, а потом осмотреть её, — ответил Белозёров, поднимаясь следом за Рябининым.

Кабинет купца был открыт. Василий быстро огляделся и подошёл к окну. Оно оказалось открытым. Выглянув на улицу, Белозёров прикинул расстояние до водосточной трубы и повернулся к следователю:

— Если слуга два метра ростом, он спокойно мог дотянуться до трубы. Даже я, при желании и сноровке, смогу это сделать, Аристарх Платонович. Мне лестницу и понятых. Я осмотрю трубу — может, найду что-нибудь. Ведь её никто не осматривал?

— Нет. Не посчитали нужным, Василий. Пошли. Будут тебе понятые и лестница, — Рябинин развернулся и вышел из кабинета. Белозёров поспешил следом.

Понятые и Рябинин стояли внизу и внимательно наблюдали, как Василий приставил к стене лестницу возле водосточной трубы и ловко полез вверх.

— Василий, брось! Пять месяцев прошло. Ты не найдёшь там отпечатков или каких-то других следов, — крикнул Аристарх Платонович.

— А я не за отпечатками, — отозвался Белозёров, осматривая кронштейны креплений и стыки трубы. — Если он спускался здесь, то мог зацепиться.

Василий поднялся выше, к новому кронштейну, и, максимально наклонившись, стал разглядывать тёмную щель. Белозёров уловил тусклый отблеск.

— Тут что-то есть, Аристарх Платонович! — крикнул Белозёров. — Могу достать.

— Доставай! — крикнул судебный следователь и приказал понятым внимательно смотреть на Белозёрова.

Василий протянул руку и аккуратно достал латунную пуговицу с рельефным узором. Быстро спустившись, он показал пуговицу понятым и опустил в подставленный следователем бумажный пакетик.

— Проходите в дом, — обратился он к понятым. — Оформим улику.

Понятые последовали в дом, а Рябинин посмотрел на Василия.

— Я думаю, что, когда слуга скользил вниз, он зацепился и не заметил, что пуговица оторвалась. Возможно, стоит поискать рубашку — может, на ней будут пятна крови.

Рябинин покрутил пакетик:

— Оформим пуговицу и поищем рубаху.

Рябинин заполнил протокол, поставил дату, время, расписался сам и проследил, чтобы расписались понятые.

Как только он закончил, к нему подошёл Воронов. Аристарх Платонович сразу понял, что начальник сыскного отделения узнал что-то важное. Глаза Ивана Макаровича горели азартом.

— Рассказывай, — Рябинин полностью повернулся к Воронову.

— Аристарх Платонович, — произнёс Воронов. — Повторный допрос слуг дал новую информацию. Немой слуга Прохор и купчиха Пелагея Пантелеевна и правда были любовниками. После смерти Лаптева они перестали скрываться. Горничная и другие слуги подтвердили, что Прохор каждое утро выходит из её комнаты.

Рябинин задумчиво посмотрел на Воронова:

— Отлично. Значит мотив есть у обоих. После убийства Лаптева всё имущество отошло к ней, а немой слуга получил тёплое место под боком у вдовы.

Воронов кивнул:

— Ещё вот что. Горничная, которая нам дверь открывала, подтвердила пропажу ножа для колки льда именно в день убийства. Сообщила об этом хозяйке. Та выдала ей деньги и приказала купить новый. Новый нож сейчас в леднике лежит. А старый так и не нашли.

— Горюнов в гостиной с задержанными? — спросил у Воронова Аристарх Платонович.

— Да, Мохов, Румянцев и городовые, тоже там. Обыск закончили, ничего не нашли, — ответил Иван Макарович.

Рябинин встал со стула и посмотрел на Белозёрова:

— Ну что, Василий, пойдём побеседуем с задержанными?

— Ваше высокоблагородие, Аристарх Платонович, можно я проведу допрос? — произнёс Василий. — Есть у меня мысли, как заставить их признаться.

Рябинин и Воронов удивлённо переглянулись.

— Аристарх Платонович, вы у нас судебный следователь. И вам решать, доверять ему допрос или нет. Это не в моей власти, хоть он и мой стажёр, — тут же заговорил Иван Макарович.

Судебный следователь задумчиво посмотрел на Василия. «Может, дать ему возможность? Глядишь, выведет их на признание. Всё равно протокол допроса я пишу», — пронеслось в голове Аристарха Платоновича.

— Хорошо, Василий. Допрос будешь ты вести, — согласился Рябинин.

— Купчиху надо вывести из гостиной. При ней Прохор не будет говорить, — тут же добавил Белозёров.

— Ладно, выведем в другую комнату, — согласился Аристарх Платонович.

Рябинин, Воронов и Белозёров направились в гостиную. Как только они вошли, судебный следователь приказал вывести купчиху в другую комнату.

Горюнов кивнул городовым. Взяв Пелагею Пантелеевну под руки, городовые повели её в другую комнату дома.

Белозёров взял стул, на котором сидела купчиха, и сел напротив Прохора.

Он посмотрел на сидящего перед ним немого слугу. Прохор еле заметно подрагивал. Руки держал на коленях, вцепившись ими в штаны. Василий на мгновение прикрыл глаза, вспоминая всё, что он знал о психологии допроса задержанных.

— Прохор, — начал тихо говорить Белозёров, открыв глаза, — за убийство хозяина тебе грозит двадцать лет каторги.

Присутствующие в комнате подошли чуть ближе, чтобы слышать разговор.

— Кивни, если ты меня хорошо слышишь и понимаешь, — попросил Василий.

Прохор чуть заметно кивнул, стараясь не смотреть на Белозёрова.

— Давай я расскажу тебе, как было дело, — продолжил Василий Игнатьевич. — Ты попал в этот дом несколько лет назад — молодым, неопытным мальчишкой из приюта. Первое время, может, год или два, Пелагея Пантелеевна не обращала на тебя внимания. Но потом в одночасье её отношение к тебе изменилось. Она стала ласковой, не ругала тебя. Ты полюбил её. Так ведь, Прохор?

Прохор снова чуть заметно кивнул.

— В итоге она стала твоей первой женщиной. Ты был счастлив. Она тоже говорила тебе, что любит тебя. Потом она начала жаловаться на своего мужа: какой он тиран, что бьёт её, когда никто не видит, и унижает. Ты злился, но ничего не мог поделать. В один прекрасный день она позвала тебя к себе, пока муж был в кабинете, и, рыдая, сообщила тебе, что муж узнал о вашей связи и теперь хочет с ней развестись, а тебя выгнать. Ты был полон злости и готов был сделать всё что угодно, лишь бы остаться со своей любимой. Так ведь, Прохор?

Прохор сидел, опустив голову. Белозёров ждал. Наконец Прохор снова еле заметно кивнул.

— Видя твоё состояние, Пелагея Пантелеевна сказала, что, если убить её мужа так, чтобы никто не узнал, то вы навсегда останетесь вместе. И ты согласился. Взяв нож для колки льда, ты вошёл в кабинет к хозяину. Дверь была открыта, и он не ждал нападения, даже не обратил на тебя внимания, думая, что ты пришёл по хозяйству. Ты ударил его ножом в спину. Один раз. Именно так, как учила тебя хозяйка. Потом закрыл дверь на ключ и вылез через окно

по водосточной трубе. Я нашёл там твою пуговицу от рубахи, когда ты зацепился и оторвал её, не заметив, так как сильно торопился. Спустившись, ты закопал нож под кустом сирени, сразу возле водосточной трубы. Рубаху без пуговицы, на которую попала кровь хозяина, там же закопал? — Белозёров чуть повысил голос.

Василий заметил, как по щекам Прохора покатились слёзы.

— Прохор, если ты поможешь следствию, то суд примет это к сведению, а также то, что ты в момент убийства был в сильном эмоциональном состоянии. Возможно, ты получишь десять лет каторги вместо двадцати. Пелагею Пантелеевну тебе уже не спасти. Её лишат всего имущества и отправят на каторгу лет на двадцать — двадцать пять. Она уже не вернётся оттуда. А себе ты можешь помочь. Ты молод, через десять лет ты сможешь начать новую жизнь, — произнёс Белозёров. — Пошли, покажешь, где закопал рубаху и нож.

Василий встал. Прохор медлил, его руки нервно дрожали. Наконец он тоже встал.

— Тихон, проследи, чтобы понятые за нами шли, — тут же распорядился Рябинин, посмотрев на Мохова и отступая в сторону, чтобы пропустить Белозёрова и Прохора в коридор.

Все шли за Прохором. Он уверенно вёл всех к водосточной трубе, к большому кусту сирени. Как только он приблизился и хотел опуститься на колени, Белозёров его придержал:

— Покажи рукой, — сказал Василий.

Прохор указал на место, где он закопал рубаху и нож.

— Так, понятые, — начал командовать Аристарх Платонович. — Подходим ближе. Подозреваемый указывает на место, где закопал орудие убийства и рубаху с остатками крови жертвы.

Белозёров отошёл в сторону: дальше уже работа судебного следователя — протоколы, изъятие улик, повторный допрос Прохора.

— Молодец, Василий, — к нему подошли Румянцев, Воронов и Горюнов, которые не были задействованы в процессе. — Как ты узнал, что он там закопал орудие убийства? — продолжил Румянцев.

— Я, когда по лестнице спускался, обратил внимание, что часть поверхности почвы нарушена. Даже через пять месяцев сверху видно, что там что-то копали. А вот стоя внизу, этого не увидишь. Я сначала не придал этому значения. Понял позже, поэтому и попросил самому провести допрос, чтобы сказать Прохору, что знаю, где он всё закопал, — ответил Белозёров. — И вынудить его признаться.

— Странный у тебя, конечно, допрос вышел, Василий, — вставил Горюнов. — Я внимательно следил за тобой. Ты не допрашивал, а рассказывал, как всё произошло. А судя по состоянию Прохора, ты всё угадал, ну или почти всё.

Белозёров пожал плечами и промолчал.

К ним подошёл Аристарх Платонович, широко улыбаясь:

— Ну всё, теперь купчиха не отвертится. Ты был прав, Василий: он там закопал нож и рубаху, на которой пуговицы нет. Понятые уже признали, что пуговица от этой рубахи, которую ты на водостоке нашёл. А на рубахе есть пятна. Кровь это или нет, потом выясним. Но это уже не важно. Прохор во всём признался. Осталось оформить протоколы и допросить купчиху. Пойдёмте, закроем дело.

Они вернулись в дом. Рябинин сел за стол в гостиной и принялся заполнять протоколы: сначала — об изъятии улик, откопанных под кустом сирени, потом — протокол допроса Прохора с его признанием. Белозёров стоял рядом, подзывая понятых по очереди. Рябинин зачитывал текст, убеждался, что понятому всё понятно, и давал расписываться.

Когда расписался последний понятой, Рябинин удовлетворённо кивнул:

— Всем спасибо. Больше я вас не задерживаю, — сказал он понятым и повернулся к Горюнову: — Аркадий Ильич, обеспечь доставку понятых до полицейского участка. Вы же всё равно сейчас туда направляетесь.

— Если они вам больше не нужны, то доставим, — ответил Горюнов и, посмотрев на понятых, добавил: — Ожидайте на улице.

Понятые торопливо покинули гостиную, расслабленно выдохнув, что для них всё закончилось.

— Задержанных тоже забирайте пока к себе, Аркадий Ильич. Как оформлю все бумаги, отправим их уже в тюрьму, — произнёс судебный следователь.

— Тогда я, с вашего разрешения, поеду в участок вместе с ними, — Горюнов слегка поклонился и вышел из гостиной, поспешив за городовыми, которые уже вели по коридору дома Прохора и Пелагею Пантелеевну.

Купчиха шла с гордо поднятой головой, лицо её было каменным: никаких эмоций, ни слёз, ни жалоб — только глаза были наполнены гневом. Прохор же шёл ссутулившись. Было видно, как его тело потряхивает нервная дрожь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.